



16



4



32



38



46



52



56

Тема номера: «ТРУД»

2 ВАШ САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ТРУДОВОЙ ДЕНЬ
Опрос

4 СОБРАНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ,
или Все, что вы думали о труде, но боялись сказать

7 БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ ТРУДНО
Когда работа кажется бессмысленной...

ОБРАЗ ЖИЗНИ

8 НЕ ГОЛОВОЙ, ТАК РУКАМИ
Они не боятся жизни

12 И МАЛО КТО ХОТЕЛ В УЧИТЕЛЯ
Профессия выбрала их сама

16 СТУДЕНТЫ ТОЖЕ ЕСТЬ ХОТЯТ
Каково работать без профессии

24 МОЛОДЫЕ СТАРИКИ
Что такое труд для старшего поколения?

26 «МЕНЯ ВСЕГДА ТЯНУЛО В НЕБО...»
Уметь забывать о себе

30 «Я ПЛАЧУ ОТ СЧАСТЬЯ»
В ней изменилось главное

ЛЮБОВЬ И СЕМЬЯ

32 ПУЗЫРЬКИ В ГОЛОВЕ,
или Не реви, зараза!

36 ДОМА ЗАСЕСТЬ ИЛИ В ЛЮДИ ПОЙТИ
Что нам стоит Дом построить?

38 НЕПРАЗНАЯ ЖЕНА
Самая женская работа

ИСТОРИЯ

40 ТРУД И ЧУДО
Какова формула успеха?

45 «УХ, КАКАЯ РОГАТАЯ!»
Как рождалась Периодическая система Менделеева

46 МЫ ПИЛИ ВОДУ ИЗ КОЛОНКИ НА УГЛУ...
Наши поступки были нашими собственными

48 «НЕ СПАТЬ, И ШАГАТЬ, И СТРАДАТЬ,
И РАДОВАТЬСЯ!»

Что помогало студентам строить великую магистраль?

52 НЕ ОТДАВАЙТЕ АРКТИКУ НИКОМУ!
Что значит Север

КУЛЬТ И КУЛЬТУРА

56 ПРОСТО ТАК «ОСКАРА» НЕ ДАЮТ
Мировая история не закончилась

НАША ПОЧТА

60 ЧЕСТНО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ
Молодой и активный

ИЗДАЕТСЯ
ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТѢЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСАНДРА II

Издание
Новоспасского монастыря

Адрес редакции:
115172, г. Москва,
Крестьянская площадь, д. 10,
редакция журнала «Наследник»
тел./факс (095) 676-69-21
[http:// www.naslednik-magazine.ru](http://www.naslednik-magazine.ru)
email: naslednik-magazine@yandex.ru

Православный молодежный
журнал «Наслѣдник»
зарегистрирован в Управлении
Федеральной службы
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ №ФС77-21508.

Рукописи не возвращаются.
Ответственность за содержание
рекламных объявлений
несет рекламодатель.

Над номером работали:

священник
Максим Первозванский
(главный редактор),

Василий Пичугин,
Артем Ермаков,
Наталья Зырянова
(редакционный совет),

Татьяна Садовникова
(выпускающий редактор),

Анастасия Варчева
(редактор),

Виктория Рыженко
(художественный редактор),

Зоя Антонова
(ответственный секретарь),

Ирина Капитанникова
(штатный корреспондент),

Сергей Соков
(фотограф),

Людмила Шкода
(отдел распространения),

Ирина Журова
(дизайнер)

Надо жить, а не прозябать!

В каждой истинной работе, хотя бы то было просто рукоделие, есть что-то божественное. Труд обширный, как земля, упирается вершиною в небо. Труд в поте лица, в котором принимают участие и мозг, и сердце, труд, породивший вычисления Кеплера, рассуждения Ньютона, все знания, все героические поэмы, все совершенные на деле подвиги, все страдания мучеников, до «кровавого пота смертных мук», признанных всеми божественными, о братья! если это – не молитва, тогда молитву надо пожалеть, потому что это – самое высокое, что до сих пор известно нам под Божьим небом.

Что касается вознаграждения за труд, то можно было многое сказать по этому поводу, и многое еще скажут, многое еще напишут об этом...

Мне хочется сделать только одно замечание по отношению к решению этого затруднительного вопроса о вознаграждении: награда за всякое благородное дело дается на небе либо нигде. Ни в каком банке на свете тебе, героическая душа, не учтут твоего векселя.

Но нужна ли тебе, собственно говоря, награда? Разве ты стремился к тому, чтоб за свой героизм набить себе брюхо лакомыми кусками, вести пышную, комфортабельную жизнь и получить в сем мире или в ином то, что люди называют «счастьем»? Я за тебя отвечаю с уверенностью: нет. Вся духовная тайна новой эпохи в том и заключается, что ты со спокойной головой от всего сердца можешь за себя решительно ответить: нет!

Брат мой, мужественный человек должен подарить свою жизнь. Подари ее, советую тебе; или ты ждешь случая приличным образом ее продать? Какая же цена, примерно, удовлетворила бы тебя? Все творения в Божьем мире, все пространство во вселенной, вся вечность времен и все, что в них есть, – вот что ты бы потребовал, и на меньшее ты бы не согласился, в этом ты должен сознаться, если хочешь быть правдивым. Твоя жизнь – все для тебя, и взамен ее ты пожелал бы себе все.

Никогда ты жизнь свою или хоть часть своей жизни не продашь за надлежащую цену. Подари же ее по-царски; пусть ценой ее будет ничто. Тогда окажется, что ты в известном смысле получил за нее все! Человек с героической душой (а разве не всякий человек – дремлющий герой?) должен так поступить в любое время и при всяких обстоятельствах.

Всущности говоря, мы совершенно согласны со старинными монахами: молиться значит трудиться. Во многих отношениях истинный труд на деле оказывается настоящей молитвой!

Т. Карлейль. Труд

опрос



Марина Новикова, 29 лет, продавец цветочного магазина, г. Екатеринбург:
 – У меня в жизни было уже три самых счастливых рабочих дня, все они пришлось на восьмое марта. В этот день года берут самые красивые букеты. Их составляем мы, флористы и продавцы.

Возможность творчески выразиться радует несказанно. Очень хочется трудиться, когда знаешь, что твой труд приносит радость людям. И общаться на работе нравится – с покупателями, с коллегами. В цветочном магазине сама обстановка настраивает на труд: вокруг целое море цветов, которые благоухают. Покупатели приходят и говорят: девушка, вы самая счастливая, вы работаете в раю.

Виктория, 25 лет:

Мой самый счастливый трудовой день – день увольнения с предыдущего места работы. На нынешнем месте работы почти каждый мой трудовой день счастливый.

Руслан Солдатов, 22 года, г. Артемовский Свердловской области, 22 года, пожарный:

– Я служу в пожарной части всего пять месяцев. Этого мало для того, чтобы определиться с самым счастливым трудовым днем: побывал всего на четырех рядовых выездах, с серьезными опасностями и людским горем еще не успел столкнуться. Но мне нравится, что постоянно надо быть собранным и ответственным. Что к труду побуждает? Да мне просто охота людей спасать. И каждый день я на это настроен.



опрос

КОГДА ТРУД

опрос

Алексей, 23 года:

Счастливый трудовой день? Был один такой... день когда я пришел на работу и практически ничего не делал, а потом еще и ушел до звонка. А побуждает к труду жизненная необходимость – потребность в деньгах.

Подготовили:

**Мария ПАНИШЕВА
Анастасия ВАРЧЕВА**

Фото:

**Роман САВЕНКО
Анатолий ЛАПТЕВ
Владимир КАЗАКОВ**

Таня Попова, 19 лет, оператор кассового аппарата, Екатеринбург:

– Я работаю всего три месяца, и за это время оказалось, что самые счастливые трудовые дни – это государственные праздники. От покупателей тогда нет отбоя, все веселье, довольные и тебя поздравляют.

А к труду меня зовет молодость. Правда, бывает лень идти на работу, и тогда приходится заставлять себя: не будешь же ты, Таня, без дела на диване валяться. Приятно еще, когда знаешь, что, работая, ты помогаешь родителям: всегда хочется трудиться, если знаешь, что делаешь это не только для себя, но и для кого-то еще.



Валентин Мандрин, 67 лет, директор фонда жилищного развития «Уралтрансгазжилстрой», г. Екатеринбург:

– К труду меня побуждает желание делать людям добро. Так было все время: и в студенческие годы, и когда я работал на газопроводе «Бухара-Урал», в песках Средней Азии, и сейчас. Делать людям добро – мой главный закон.

Сам я пережил много всего, испытывал на себе чужое хамство, цинизм, грубость, ложь, безответственность. Все это нелегкий груз, грязь, от которой человеку в своей собственной жизни важно отречься, потому что только тогда он сможет стать для других опорой, только тогда он будет способен бескорыстно и искренно помогать людям. Помню такой день из своей биографии. Семидесятые годы, меня только-только назначили директором «Уралгазэнергоремонта» в Свердловске, и дело было зимой. Осматриваю я территорию своего предприятия, и вдруг вижу: на снегу под грузовой машиной лежит водитель и что-то ремонтирует. В крепкий мороз! Этого было достаточно, чтобы принять решение: так быть не должно, этому человеку и другим водителям и ремонтникам необходим теплый гараж. Построили мы его невероятно быстро, всего за полгода.

Очень важно научиться чувствовать другого человека, сопереживать ему. Даже если ты не можешь сейчас помочь, ты должен объяснить это так, чтобы человек ушел от тебя с надеждой, с верой, что его вопрос решится, может быть, благодаря тебе, но позже. Я занимал много начальных должностей и знаю на деле, как бывает важно именно это. Несомненно, о проблеме человека ты должен помнить и потом, но ты не имеешь права обижать его отказом: и отказ он должен запомнить на всю жизнь как добро.

А самый счастливый трудовой день был отмечен рождением внука. Я сидел в кабинете, раздался звонок, я снял трубку и услышал об этой радости. Теперь надеюсь на еще один такой счастливый день: внук вырос, уже учится в институте, уже женился. И возможно, очень скоро, когда я так же, как двадцать лет назад, буду сидеть в кабинете, снова раздастся звонок, я возьму трубку и услышу, что у меня родился правнук.

Галина Гиндулина, 45 лет, водитель трамвая с 15-летним стажем, г. Екатеринбург:

– Не могу назвать самый счастливый трудовой день, но работу люблю. Вспомнишь, что пассажирам ты нужен, что сегодня опять по городу поедешь, знакомые улочки увидишь, и на работу идти хочется.



Анна Юрина, 77 лет, профессор кафедры плодоводства и овощеводства Уральской государственной сельскохозяйственной академии:

– Мне сложно припомнить какой-то единственный счастливый трудовой день. Счастливыми я могу назвать все трудовые будни, когда были выполнены намеченные задачи, достигнуты успехи, когда все, что ты задумал, было тобой сделано в той мере, какая от тебя зависела. Жизнь мною прожита длинная, и таких дней было много.

К труду меня зовет творчество. Когда человек может воспринимать труд как творчество, он становится счастливым. Но бывает и так, что жажду творчества как побуждение к труду пересиливает инстинкт самосохранения. Во время Великой Отечественной войны именно он заставлял работать меня и моих сокурсников. Хорошо отдавать все силы только учебе, но не работать было невозможно: мы бы погибли от голода. Но печально, когда животный уровень отношения к труду выдвигается на первый план. К несчастью, сегодня, в мирное время, это не редкость. Бывает, что голодный инстинкт ослепляет человека и подвигает его не на труд, а на преступление. Это при том, что человек способен победить голодный инстинкт, в отличие от животного. У него всегда есть выбор между преступлением и воздержанием от него. Как был он у известных ученых Ленинградского всесоюзного института растениеводства. В блокаду они работали в хранилищах, где находилась мировая коллекция зерна, хлеб. Им нечего было есть, они умирали от голода, но никто и не притронулся к коллекции, бесценной для отечественной науки, для отечественного сельского хозяйства. За нее они отдали свои жизни. И мне бы очень хотелось, чтобы молодежь на это обратила внимание и осознала пагубность жизни только ради наслаждения, только ради себя.



опрос

ПРИНОСИТ СЧАСТЬЕ

Самый счастливый трудовой день. Что побуждает к труду?

Максим Румянцев, 30 лет, директор обособленного подразделения торгового дома «Семислонов», отец двоих детей, г. Екатеринбург:

– Самый счастливый трудовой день случился у меня летом прошлого года, когда я исполнял обязанности директора православной гимназии во имя святых Царственных страстотерпцев Романовых в поселке Елизавет. Я делал скамейки: носил брусья и покрывал их лаком, а еще общался с монахами монастыря, при котором гимназия существует. От всего этого вместе я испытывал благодать.

В труде, в работе для меня важен настрой на исполнение заповеди о труде, данной Богом Адаму: в поте лица твоего будешь есть хлеб. Без труда человека не бывает. Труд и характер выковывает, и кормит. Обеспечить семью, крепко стоять на ногах – об этом твоя забота, когда помнишь о Божьей заповеди.



Мargarита Еременко, 23 года, журналист, депутат Городской думы г. Касли Челябинской области:

– У меня счастливых трудовых дней было немало. Вообще каждый трудовой день по-своему важен. А запоминаются больше те дни, когда ты как-то по особому подошел к выполнению своих ежедневных профессиональных обязанностей.

Почему-то всплывает в памяти одна из моих обычных командировок по Каслинскому району. Накануне Нового года мне поручили добраться до глухой деревушки Зотино, где стоит всего тридцать домов, и встретиться с резчиком по дереву, про которого всего-то и известно, что зовут Сергеем.

Зашла я в дом и вижу: человек увлеченно работает. Стоят деревообрабатывающие станки, пахнет стружкой. Мне стало почему-то стыдно отрывать его от труда, тем более, что он, как нарочно, резал крест для одной из местных церквей.

Очень осторожно и долго разговаривала я с Сергеем. Он, казалось, отвечал без особой охоты. Домой я приехала расстроенная тем, что разговор не получился, что не смогла героя до конца раскрыть, и какой же я после этого журналист.

Но каково же было мое удивление, когда на следующий день этот простой деревенский человек, в пижах, в телогрейке, объявился в нашей редакции с огромным букетом хризантем! Это в декабре-то! Он признался, что за всю жизнь никто с ним ни разу не разговаривал так, как это было между нами накануне. И цветы были знаком его благодарности. Такие неожиданные оценки, которые дают твоей работе окружающие, побуждают трудиться. Важно знать, что твой труд нужен. Тогда и горы свернуть можно. Хотя, с другой стороны, если я люблю свою редакцию, свой город, если мне нравится мое дело, одно это двигает желанием трудиться.





СОБРАНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

или

Автор: **Андрей ЛАВРОВ**

Расскажу об одном разговоре, недавно состоявшемся у меня на занятиях. Волей судьбы я веду факультатив по основам творческой деятельности журналиста в одной из московских школ, вот уже полгода пытаюсь объяснить школьникам суть предмета с таким загадочным названием.

Согласно программе, мы должны были посвятить очередное занятие разбору «периодиче-

и медленно обводя глазами аудиторию.

– Подождите! – вдруг перебила меня обычно молчаливая Света, сидевшая за партой в углу. – У меня в столе, кажется, что-то валяется.

Группа, как по команде, оглянулась назад.

– Ну и что же это?

– Кажется, газета. Никогда такую не видела. Называется, называется... – она лихорадочно листала несколько выгоревшие страницы. – Называется «Труд»! Только она... Только он позапрошлого года.

– Ну, это не так важно. Главное, буквы можно прочесть. В конце концов, это даже



Труд – это творческая смерть, безнадежная и нереспектабельная.



ского бумажного массового СМИ», попросту говоря, газеты. Но на дворе-то весна, и никто, разумеется, не подготовился. Даже «газету, которая особенно нравится» никто не принес. А сам я, грешным делом, проспал утром на час больше и потому, выбегая из дому на занятия, второпях схватил совершенно не тот пакет. Приготовленные с вечера печатные издания так и остались дома.

Когда вся группа обнаружила передо мной столь же полное отсутствие «рабочего материала», мне ничего не оставалось, как послать кого-то за прессой в библиотеку.

– Ну, что ж, если у нас сегодня абсолютно ничего нет... – начал я, прогуливаясь у доски

любопытно – попытаться оценить совершенно незнакомое издание.

– Ну уж нет! – вмешалась Юля со второй парты. – Мы, конечно, виноваты, что не подготовились, но такой отстой мы анализировать не будем.

– Почему «отстой»? – возмутился я. – Помнится, во времена моего детства газета с таким названием была очень даже популярна. И потом, Юля, когда вы прекратите говорить от имени большинства? Сейчас опять выяснится, что все с вами не согласны. Так, ребята?



Все, что вы думали о труде, но боялись сказать



Какой идиот заплатит сегодня деньги за «Труд»?

Фото Александра Степанова

Я буду бизнесом заниматься, а трудится пусть кто-то другой, у кого ума не хватает.

Увы, на этот раз общее молчание красноречиво свидетельствовало о том, что ребята как раз согласны.

– Делать нам больше нечего – читать всякую чушь, – жестко резюмировал Миша.

– Поверьте мне, если вы действительно собираетесь когда-нибудь быть журналистами, вам придется делать это столько раз... Ну хорошо, давайте зайдем с другой стороны.

Какой должна стать эта «отвратительная» газета, чтобы вам захотелось ее прочесть?

– Это... Все надо поменять, короче... – как всегда, внятно высказался Артур.

– А что именно?

– Ну, там, «грузить» поменьше. Про спорт чтобы... Про триммеры всякие...

– Необходимо больше актуальной информации, интересующей молодежь, – вступила в разговор

Кристина. – А вообще, даже на первый взгляд, нужна радикальная смена дизайна.

– Название им надо сменить, вот что, – поддержал ее Миша. – Какой идиот заплатит сегодня деньги за «Труд»?

– Название-то тут при чем? – удивился я. – Хорошее слово. Короткое. Запоминающееся. Кому-то еще, кроме Миши, оно не нравится?



Руки подняли все. В комнате повисла напряженная тишина. Для того, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я решил немного изменить вопрос.

– Какие же, конкретно, отрицательные эмоции вызывает у вас это слово?

В ответ моя обычно спокойная и даже несколько вялая группа буквально взорвалась:

– Бесплозьяк!

– Убожество!

– Совковое название!

– Я же говорю – полный отстой!

– Погодите, погодите... – тема занятия осталась далеко в стороне, но разговор приобрел все более интригующий характер.

– Если «труд» – такое ужасное слово, то давайте не будем кричать об этом, перебивая друг друга, а запишем по порядку, кто что думает. Начнем с Юли.

Вскоре на доске выстроилась аккуратная колонка весьма неожиданных для меня определений.

1. Труд – это напрасная трата времени. (Не ожидал от Юли такой «философской» постановки вопроса. Спрашиваю: «А ты бы хотела всю жизнь отдыхать?» – «Почему отдыхать, бизнесом заниматься, а трудится пусть кто-то другой, у кого ума не хватает».)

2. Труд – это тяжело, предельные физические нагрузки (Вася высказался, он спортсмен. «Ты же, – спрашиваю его, – плаванием занимаешься, не тяжело разве?» – «Что вы, на воде – совсем другое!»)

3. Труд – это бедность, неприбыльно, нерентабельно, невыгодно. (Говорю Илье: «Ну, вот твой отец в банке трудится...» – «Это вы-

развитых странах труд давно устарел, его выполняют роботы и необразованные эмигранты, это только у нас всех подряд то в крепостные, то в ГУЛАГ загоняют».)

6. Труд мешает общению. («Вообще рабочие, они такие агрессивные, неконтактные, –

8. Труд опасен для здоровья, особенно женского, и для красоты, опять-таки женской. (Пока Нина этого не сказала, я даже не знал, как ее зовут; полгода приходит девушка на занятия, садится в углу и молчит, а тут, видимо, и ее задело.)

Записывая все это, я порой посмеивался, но внутренне ужасался. Сколько лет уже читаю о технологиях манипуляции сознанием и «промывания мозгов, а все никак не могу привыкнуть к тому, что эти технологии на самом деле работают, действительно калечат не только мозги, но и душу. Причем непоправимо.

– Так и запишите, «Труд – это отстой», – повторяет Миша. – И пусть газету «Труд» читают только те, кто согласен тратить на него время.

– Вы сами-то осознаете, насколько нереальна картина, которую мы здесь реконструировали? Кстати, то, на что мы сейчас «тратили время», труд или нет? Выходит, труд – это всегда не для вас?

– Выходит, – по инерции отвечает Миша, глядя на исписанную доску, и вдруг... задумывается. Все снова замолкают, но это уже другое, сосредоточенное молчание. А потом...

Миша начал смеяться.

Группа сначала тихонечко, а потом уже во весь голос захотала следом. Хохота не оставил даже заглянувший в дверь кабинета завуч. Вопросы «Что происходит?! Что это у вас за чушь на доске написана?» вызвали только новые приступы смеха.

– Ловко... Ловко же вы нас... накололи, – говорил, вытирая выступившие слезы, Вася.

– Наверное, вы и газету мне в стол заранее подложили, – хихикала Света.

А я стоял у доски и растерянно улыбался. Приятно, конечно, когда ученики даже в старших классах считают учителя всеведущим и вездесущим. Им весело думать, что он до сих пор может загнать их в тупик заранее продуманной постановкой абсурдных вопросов.

Но ведь на самом-то деле это не так! Вопрос о сути труда перед старшеклассниками, да и перед самим собой поставил не я, а жизнь. А выскочившие из них ответы заранее не могли мне присниться даже в самом страшном сне. Кто же и каким образом сумел навевать нам всем этот чудовищный сон? А главное, как нам проснуться?



Фото Alignedas Trilias

Кто же и каким образом сумел навевать нам всем этот чудовищный сон?

сокооплачиваемая статусная работа, а труд – это для алкашей, которые лед у подъезда скалывают».)

4. Труд – это рабство, зависимость, приращение. (Артур разродился, почему – объяснить не может, говорит что-то про «заключенных на зоне».)

5. Труд – это «совок», прошлое, одним словом. (Жанна так думает: «В нормальных

говорит Света. – И не надо меня переубеждать, я 16 лет в рабочем районе живу: везде «Слава труду!», «Слава труду!», а кроме пьянок, даже поговорить не с кем».)

7. Труд – это творческая смерть, безнадёжная и нереспектабельная. (От моего выражения, мол, бывает и «творческий труд», Кристина отмахивается: «Творчество – это... это полет души!»)

Смысл – это способ существования человеческой души. Если он есть, значит, все в порядке с душой. Она нашла в себе место миру, а мир нашел в себе место твоей душе. Мир принял тебя, а ты принял его. Но на каких условиях? Если эти условия не выполняются, то душа заболевает. Ей становится неуютно, плохо. Она теряет смыслы, и вместе с ними ты теряешь чувство уверенности. И ты понимаешь, что мир противостоит тебе, а ты противостоишь ему. Ты хочешь заняться собой, а мир настаивает, чтобы ты занимался его проблемами. Чтобы ты ходил на работу, интерес к которой у тебя уже угас. Чтобы ты занимался бессмысленными делами в момент, когда твою душу терзает как коршун сознание. Ведь сознание рефлексивирует, а душа переживает. Ибо она не знает, будет ли найден новый компромисс с миром и чем ей придется заплатить за него.

Конечно, лучше всего, когда тебе все безразлично, когда ты равнодушен как к миру, так и к себе. Но это значит, что ты умер. Хотя ты все еще пребываешь в сознании. Только сознание твое пусто.

Но найти компромисс с внешним миром мало. Нужно еще договориться с собой. И уметь быть честным при этом. У тебя есть представление о мире, жизни, смыслах и о себе. Не всегда можно реализовать любимые смыслы. Достижимы только те, на которые ты способен и готов. Вот видишь ты смысл в музыке, ее воздействию на душу человека. И сам хотел бы стать композитором, к примеру. А дара нет. Придется остаться слушателем. Иначе смысл обернется бессмыслицей. Или находишь ты, что смысл жизни – в любви. Но готов ли ты к такому смыслу? Ведь любить не так просто. Как и быть любимым.

А что, если смысла нет? Если ты не видишь его? Смысл переживается, как чувство, причем чаще, как незаметное и необходимое, по-



Фото Ильян Лубенского

Авторы:
Федор ГИРЕНКО
Наталья РОСТОВА,
 студентка философского факультета МГУ

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ ТРУДНО

Когда работа кажется бессмысленной



А что, если смысла нет?



Фото Антонио Лиссабона

добно дыханию, или как внутреннее знание, вера. Если начать озвучивать его, оформлять в слова, оно рассеется, умрет. Как и всякое другое чувство. Любой смысл можно обессмыслить, если начать выстраивать цепочку «то, чего ради». Ведь последнего звена нет, его никогда не найти. И именно поэтому возможен смысл. Если бы было известно это звено, круг замкнулся бы, для Бога не осталось бы места, мир превратился бы в механизм, стал бы объясним, а человек бессмыслен.

Если бы человек был возможен легко, то он мог бы расти, как трава. Но человек – это, в первую очередь, усилия человека стать человеком. Следовательно, быть человеком трудно. Это бремя, тяжелая ноша, труд, лишенный радости. Для чего тебе превозмогать себя? Зачем сдвигать границы своих возможностей и всякий раз заново пересекать их? Для того, чтобы не быть в рассеянии, нужны усилия, нужны смыслы. А смыслы рождаются чувствами в сопряжении с символами. Проблема состоит в том, что это сопряжение сотворено в тебе до тебя без твоего согласия. Но это-то и мучительно. То, что бессознательно, по выражению Канта, спонтанно «синтезировано продуктивной способностью воображения», то, что стало условием поиска всякого смысла, ты хочешь присвоить, сделать производным от своего сознания. И не можешь этого сделать, ибо условия существования сознания нельзя постигнуть сознанием.

Попросту говоря, человек не своеволен, не всемогущ по отношению к самому себе. Обнаружив, что он не Бог, человек может впасть в отчаяние, единственный выход из которого обозначен словами Достоевского «Смирись, гордый человек!» Поэтому смирение – обязательное условие для всякого созидательного труда. Без него никто никогда ничего не закончит.



Вы когда-нибудь видели, как крепкие мужские руки подхватывают пахучие смолистые бревна, как на глазах рождается колодец избы, ее светелка? Все при этом – чудо: и мерное «раз-два-три», и пляска топорика, и капли пота на спине, и упорство и радость строителя. «Строитель» – созидатель, творец. Так толкует словарь.

Сруб отстоится до весны: ссохнутся бревна, крепче насядут друг на друга. Станет стройным, – то есть статно сложенным, слаженным. Перенесут его на фундамент. Закатают крышу, прорубят окна, сложат печку, пристроят завалинку. Встанет дом. Строение.

Строитель введет в дом хозяйку. Пригласит гостей. Настроит-наладит гармонь или гитару. Строино споет с родными-друзьями. А потом будет устраивать жизнь. Строить отношения.

Недаром древний русский глагол «строить» такой желанный для слуха. Ведь его сердце, его корень – слово «Троица», нераздельный Союз Бога Отца, Сына и Духа Святого. Непостижимое Единство. Строить... Кто строит? Человек. Никто больше в целом мире не делает этого осознанно. Один он.

Гармония человеческих отношений – замешанное на добродетели согласие, верх гармонии – согласие не двоих, а троих. Согласие в желаниях, действиях, мыслях, целях.

В слове «строить» – жажда гармонии. Идеальная поэтика творчества, которую всегда можно приложить к любому делу.

Строить – посвящать Троице, полагать Ее основанием дела. Жажда такого строительства сокровенно заложена в каждом человеке...

Лада ПАНИШЕВА



НЕ ГОЛОВОЙ,

Они не боятся ЖИЗНИ

– **Дмитрий Валерьевич, какие специальности ребята у вас получают и как потом устраиваются в жизни?**

– Во-первых, у нас есть и нереставрационная специальность – это столяр по производству художественной мебели.

Наша основная специальность – реставраторы деревянного зодчества. С этого года мы набираем еще и группу реставраторов произведений из дерева. По поводу таких специалистов нам даже звонят из кадровых агентств и сразу готовы предложить ребятам неплохие деньги: 400-500 долларов – это стартовые.

Есть еще специальность для девочек – реставрация лепных изделий и покрасок.

– **А эта специальность сейчас востребована?**

– Очень. В Москве больше каменных зданий, чем деревянных. И наших ребят охотно берут на реставрационные работы, даже в Кремль. Их с удовольствием приглашают работать и за границу – школа у нас хорошая, иностранцы это ценят.

Кроме того, мы ведь не только реставрируем, но и новые проекты создаем: дома, бани в традиционном стиле. И ребята работают на специально созданном производственном участке «Свияжск». Здесь они создают так называемые малые формы: беседки, скамьи, качели – все это со знанием

дела и по старинным технологиям, то есть все топором и из бревна. Они участвовали в программе «Мой двор, мой подъезд», сейчас строят площадки в детских садах. Уже в процессе обучения ребята понимают важность и востребованность своего труда.

– Работа ребят оплачивается?

– Да. Но мы настоятельно рекомендуем им тратить эти деньги на свой собственный инструмент. Это вещь сейчас дорогая. И за время учебы многие ребята уже обзаводятся очень хорошим арсеналом электро- и бензоинструмента.

Кроме того, работа в «Свияжске» развивает их и в плане предпринимательской активности. Кто-то выдвигается в процессе работы, то есть, проявляя определенные качества, начинает руководить бригадой, часто они берут на себя и менеджерскую работу – сами находят заказы, которые выполняют всей бригадой.

Тут неподалеку есть Центр экономики, культуры и образования, с которым мы стали сотрудничать, наши ребята изучают там основы предпринимательства. И к концу обучения они уже социально адаптированы и готовы к встрече с жизнью.

А это ведь сейчас большая проблема. Часто бывает так, что после обучения молодой человек ни к чему не готов.

– Ну да, он привыкает 10-15 лет учиться, учиться...

– Да, причем беспредметно. И начинает бояться жизни и работы, а когда он работает уже во время учебы... Школа в последнее время стала очень беспредметной. Раньше мальчишек учили очень важным для повседневной жизни вещам на уроках труда. Сейчас у девочек еще есть домоводство, а у ребят труд заменили информатикой, которую и так каждый из них прекрасно знает. Но ведь для каждого живого человека важно знать качество реального употребляемого предмета: потрогать его ру-



ТАК РУКАМИ

ками, понять, как он устроен, знать, как располагаются волокна в дереве, чем вообще металл отличается от дерева, как и с каким материалом можно работать... Не говоря о том, чтобы самому сделать какое-то устройство. Теперь же здоровые парни уходят из школы, ничего этого не узнав.

«Сделайте с ним что-нибудь!»

– Тут есть еще один момент. Ведь часть людей приобретает какие-то знания через голову, а остальные (по нашему опыту, их очень много) – через руки. И многие ре-

С Тузовым Дмитрием Валерьевичем* беседовала Наталья ЕРМИЛОВА

бята, которые к нам приходят, в школе совершенно неуспешны – это, как правило, троечники и даже двоечники. Там на них давно махнули рукой и дружно решили, что из них в жизни ничего не получится. Несколько лет назад одна женщина привела к нам сына, говорит: «Сделайте с ним что-нибудь! У меня уже руки опустились – он просто ту-пой!» Сейчас этот мальчишка – гордость и радость нашего отделения, у него золотые руки, а какая светлая голова!

Приход сюда для многих ребят – настоящее спасение. Здесь они начинают свой путь заново – через рукоделие. И идут не от знания к предмету, а наоборот. Если парень видит, что для изготовления какой-то детали ему нужно знать устройство и



Тузов Дмитрий Валерьевич *

Заместитель директора строительного колледжа №26, руководитель отделения реставрации памятников деревянного зодчества. Плотник, строитель Державы.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО СЕВЕРА**

Василий Белов

...Человек, слабый физически, но хорошо умеющий косить, знающий накопленные веками навыки, скосит за день больше травы, чем иной не-

умный верзила. Но если к вековым навыкам да еще свой талант, то косец уже не просто косец. Он тогда личность, творец, созидатель красоты. Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду. Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удача талантливому человеку вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалеющих в труде ни сил, ни времени. Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой косит больше. Так же как и тот, кто умеет красиво плотничать, построит больше и лучше, причем вовсе не в погоне за длинным рублем.

Белов пишет о русских крестьянах всю жизнь. И все его произведения можно назвать гимном земледельцу, преображающему скудную северную природу. Но эта книга не просто энциклопедия, подробно рассказывающая о том, что, когда и как привыкли делать северные крестьяне. Белов пытается найти главную цель освоения Русского Севера, скудная земля которого с самого начала не позволяла рассчитывать на особенную прибыль. В чем же состоит этот смысл, узнает тот, кто прочтет всю книгу целиком.



Подробнее...

<http://www.cultinfo.ru/belov/writings.htm>

<http://mg.gvardiya.ru/default.asp?type=book&id=183>

принцип работы станка, то ему приходится с этим разбираться. Здесь у ребят возникает насущная, осознанная потребность в приобретении знаний. И они с интересом принимаются изучать физику, химию... У нас был такой случай: ребятам дали задание построить беседку, но на этапе проектирования они вдруг столкнулись с неразрешимой проблемой – не могли поделить окружность на шесть частей. Я им говорю: это же геометрия 5-го класса! Они только плечами пожимают. Думали-думали, наконец сообразили поделить окружность эмблемой «мерседеса» – на три части, а потом еще раз на три тем же способом.

– В этом году много абитуриентов ожидаете?

– Сейчас все меньше и меньше ребят приходит. Этому две причины. Первая – демографическая (сейчас должны поступать дети 90-го года рождения – самое начало перестройки, когда была очень низкая рождаемость). Во-вторых, школы сейчас получают финансирование на каждого ученика, и их благосостояние напрямую зависит от количества учащихся. И они всеми правдами и неправдами стараются дотянуть учеников до 11-го класса...

– А вы принимаете с 9-го?

– Да.

– А иногородних ребят берете?

– Берем. В этом году к нам поступил парнишка с Кижей. Но у нас нет общежития, и ребятам самим нужно решать вопрос с жильем.

Живая практика

– А сами за пределы Москвы выезжаете? Ведь в России столько удивительных памятников деревянного зодчества...

– В последние годы мы возим ребят в Архангельскую область. Там мы восстанавливаем деревянный храм Преподобного Александра Свирского (кстати, в этом году будет праздноваться 500-летие этого святого), сотрудничаем с Кенозерским национальным парком и местной церковной общиной. И в этом видим свою воспитательную задачу: ребята, попадая в совершенно иную среду, живут другой жизнью и начинают чувствовать это своеобразие ушедшей жизни, а те, кто поопердвинутее, понимают, что они наследники этой жизни и имеют к ней какое-то отношение. Здесь очень многие вопросы для них обостряются. А это в подростковом возрасте очень важно для закладки базовых понятий. Две-три недели, которые они проводят на Севере, порой бывают важнее, чем годы обучения в Москве. Город – среда противоречивая...

Но мы и в Москве разработали кое-какие формы живой практики, сотрудничаем со многими храмами. Главное, что стараемся привить, – понятие важности таких общественных работ. В наше время ведь повсеместно говорится, что любое шевеление пальцем

должно приносить материальную выгоду. И во многих учебных заведениях так и учат – любое предпринимательское движение оценивать с точки зрения прибыли.

– Ребята охотно берутся за такую работу?

– Ну, конечно, по-разному – у них неодинаковый стартовый багаж. Правда, это не значит, что ребенок из православной семьи охотнее возьмется за дело, чем любой другой. Часто бывает, что парень, впервые столкнувшись с вопросом веры только у нас, вдруг так ею проникается (ведь для него все это – новое, это открытие, к тому же его собственное), что он семимильными шагами опережает тех, кто рос в этом с детства.

Этот город был бы чудный!

– Дмитрий Валерьевич, а сами Вы где учились?

– В строительном институте. И тоже понимаю, что я, к сожалению, не учился. И слава Богу, что после учебы я пришел на завод – на самое такое «предметное» место, где нужно было проявлять конкретные знания, работать с конкретным материалом и конкретными людьми. Причем с самыми конкретными – там были солдаты и ээки. И у меня сразу произошла встряска, и пришлось наверстывать упущенные знания.

– А как Вы пришли к реставрации?

– Это были перестроечные годы, время всплеска интереса к истории. И на волне этого интереса я попал в экспедиции Общества охраны памятников. И когда стало понятно, что это – более интересное дело, чем железобетонные конструкции, я переквалифицировался.

В советское время у нас практически не было реставрационных учебных заведений. Московский архитектурный институт (МАрХИ) – это хорошая школа, но она выпускает специалистов высшего уровня, они делают проекты, но сами-то не работают. Поэтому у нас всегда был разрыв между тем, что люди проектируют и тем, что получается в реальности. Непонятно, что эти замыслы будет осуществлять. Были единицы – бригады самородков, которые пронесли это мастерство через поколения, от своих отцов, дедов. А сейчас и их нет. Но если бы на те деньги, что сейчас выделяются в Москве на восстановление культурных объектов, делать действительно реставрацию, это был бы такой город – чудный! Деньги есть, проекты есть, а саму работу исполнить никто не может. И берут чуждые западные технологии, по которым хоть что-то можно сделать. Как правило, памятник разрушается и на его месте строят нечто совершенно новое, разрисовывая стены «под старину». И получается такой кошмар, такие невероятные формы, уродующие вид целых площадей в центре города. Так вот, у нас есть далекая цель и надежда – стать реставрационным образовательным центром.



ИНЖЕНЕРЫ

Николай

Гарин-Михайловский

Основное правило в нашем деле: за незнание не бьют, но за скрывание своего незнания – бьют, убивают и вон гонят с дела. Незнающего научить не трудно, но негодай, который говорит – знаю, а сам не знает, губит безвозвратно дело.



«Да, да, – думал Карташев, – это та логика, которая всегда бессознательно сидела в нем, подавляемая всегда сознанием, что до сих пор это было не так, что до сих пор, напротив, шарлатаны как будто и пользовались успехом в жизни. Тем лучше, и слава Богу, что он сразу объявил, что он ничего не знает».

Начальства у нас нет, – продолжал Сикорский, – кто палку взял в нашем деле, тот и капрал. Это значит, что кто хочет работать, кто может работать, тот скоро и становится хозяином дела, помимо всякой иерархии служебной.

«Буду, буду хозяином», – напряженно стучало в голове Карташева.

Книга эта – последняя в серии романов о жизненных путях русской молодежи второй половины XIX века. Ее автор – один из самых талантливых специалистов-железнодорожников тогдашней России. А его герой, как и он сам, не желая прислуживаться или воровать, чуть было не заделался очередным «лишним человеком» или даже революционером, но, в результате, все-таки стал профессионалом своего дела и создал семью. Мечтающих о честной карьере молодых людей роман ободряет и подбадривает в работе, а их родителям тонко и довольно неожиданно намекает, как много все-таки значит пред Богом молитва матери.

Подробнее...

http://az.lib.ru/g/garinmihajlowskij_n/
<http://prometeus.nsc.ru/gorod/garin/>

Иван ЛОПАТИН

РЕСТАВРАЦИОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ строительного колледжа № 26 принимает выпускников школ для обучения профессиям:



- реставратор памятников деревянного зодчества
- реставратор произведений из дерева
- реставратор произведений из дерева
- реставратор декоративно-художественных покрасок
- реставратор декоративных штукатурок и лепных изделий
- мастер столярного и мебельного производства

Обучение бесплатное. Срок обучения 1-4,5 года. Выпускники получают документ о начальном и среднем профессиональном образовании. Учащиеся обеспечиваются одноразовым питанием и денежным вознаграждением за выполняемые работы. Организуются экспедиции на Русский Север.

Мсква, ул Трофимова, д.27, к.2
Тел. 710-21-77, 710-21-49
www.pru88.moscowshcool.ru



И МАЛО КТО ХОТЕЛ

Делая выбор вслепую, человек тоже находит свою судьбу

Все это началось четырнадцать лет назад. Когда я, с грехом пополам окончив одиннадцатый класс, решил поступить в библиотечный техникум.

На дворе стоял 1991 год, и страна, в которой мы жили, все еще называлась СССР. Однако запах тления, который все сильнее источал полуживой государственный труп, кружил всем головы и вселял какую-то нечеловеческую веру в исполнение самых странных желаний. Серьезные и практичные люди мечтали скорее уехать подальше. Менее серьезные и более жадные торопились как можно больше украсить и прогулять все прямо на месте. Нормальные и не слишком доверчивые собирались более или менее сносно прокантоваться посреди наступающих перемен (скромные мечты большинства всегда оказываются самыми несбыточными). Остальные, самые веселые и наивные, мечтали что-то построить. Вариантов было множество: фантастический коммунизм, демократический социализм, народный анархизм, прогрессивный либерализм, развитой капитализм, обыкновен-

ный фашизм, мировой империализм... Лично мне нравилось считать себя православным монархистом.

В то блаженное время даже высшие руководители страны позволяли себе роскошь составлять политические программы, хоть немного отражавшие их действительные убеждения. Все привычное, прочное на глазах разваливалось, вызывая неподдельный ужас. У многих этот ужас переходил в детский восторг. Тогда я отчетливо понял, что Родину надо спасать. И сразу же нашел человека, который мог бы это сделать. Таким человеком оказался я сам.

Последний год в школе я учился плохо. Ведь для спасения России моя учеба не имела никакого смысла. Правда, школу надо было окончить – для того, чтобы поступить в библиотечный техникум, за десять месяцев окончить его и скорее уехать из Москвы в глухую сибирскую деревню читать крестьянским детям Гоголя. Почему сибирские дети должны были любить Гоголя? Это сейчас кажется мне загадкой. Тогда я не задавал себе подобных

неуместных вопросов. Я любил Гоголя сам. Армия мне в силу некоторых причин не грозила. И к сверстникам, готовившимся поступать в вузы, я относился в лучшем случае сочувственно. Ведь эти люди собирались убить пять лет жизни на обеспечение своего будущего. Я же предпочитал быть героем сегодня.

Но тут неожиданно на моем пути возникла мама. Правду сказать, она всегда была рядом, но до поры до времени молчала. А после выпускного решила заговорить.

– Ты просто боишься экзаменов, – сказала она.

Я возмутился. Возмущение было тем более сильным из-за того, что мамыны слова имели под собой некоторую почву.

– Я поступил бы куда угодно, если бы хотел! – отважно, но необдуманно возразил я.

– Слабо?!

Тогда я взвился. И сказал, что нарочно буду поступать. И не в один, а в три института одновременно. На исторический факультет. Почему я выбрал историю, не

знаю до сих пор. Наверное, от волнения и злости (в тот год конкурсы на исторические специальности были самыми большими после юристов, переводчиков и актеров, которых я ненавидел).

Первая в жизни двойка за сочинение (в МГУ) несколько охладила мой пыл. Кроме того, сочинение было по Гоголю. Тем не менее, я продолжил штурм высшего образования и поверг экзаменаторов РГГУ в шок заявлением о том, что «черная сотня» была самой достойной партией дореволюционной России. Но и там мне не повезло. На английском мне вlepили пару за то, что я уверенно перевел классного руководителя (headmaster) в должность «школьного парикмахера».

Оставался МПГУ – Московский педагогический государственный университет. История и сочинение дались мне малой кровью. Английского я ждал со страхом. К счастью, экзаменаторша жевала булочку, когда я рассказывал ей про Темзу. Должно быть, она решила, что я тоже говорю с набитым ртом. В итоге я набрал 19 из 20. Представьте себе, это был полупроходной бал. С кем же мне предстояло учиться?

«Монстры», – подумал я. Ну уж учиться-то я здесь не буду! Пора, пора мне в Сибирь.

– Слабо? – спросила мама.

Я остался. На пять лет. Вместе с «монстрами».

Первым «чудовищем», которое я увидел, была девочка Ира (все имена по понятным причинам изменены). Ира была серьезной девочкой. Она занималась фашизмом. Точнее, Третьим рейхом. Еще точнее, службой СД и лично Шеленбергом. Поначалу мне это понравилось. Тем более, что я еще не представлял, чем буду заниматься сам. Мы познакомились за день до начала занятий. Дружба наша складывалась удачно целых две недели до того самого момента, когда выяснилось, что у нас диаметрально противоположные взгляды на буддизм и философию Фридриха Ницше. Из-за этого мы решили проститься навсегда, как это бывает в 17 лет. Все кажется непоправимым, особенно убеждения.

Мы учились вместе примерно год. Позднее я потерял ее из виду. По каким-то причинам она брала «академку», потом

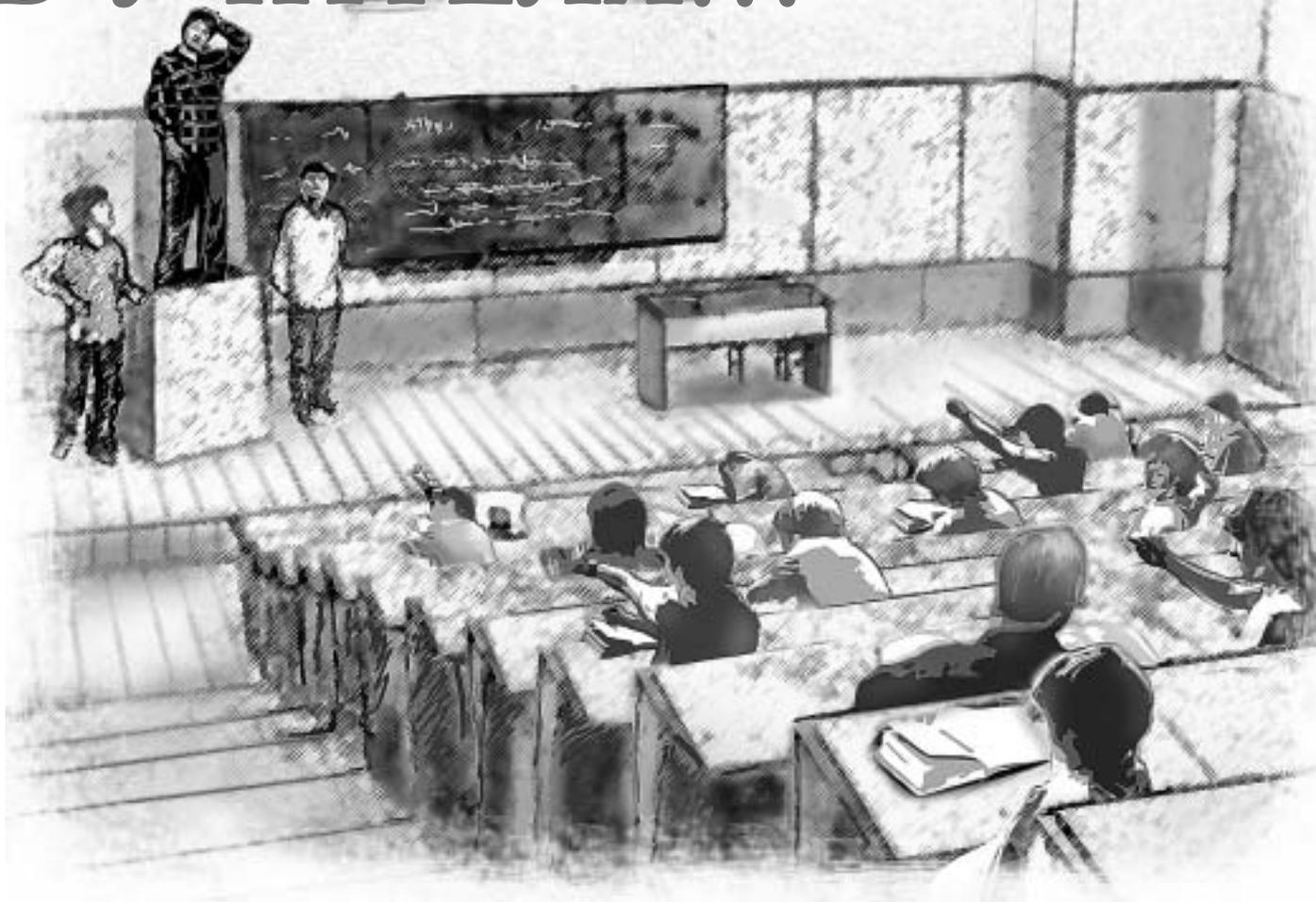
стажировалась в Швейцарии. На последнем курсе мы даже снова стали здороваться. Не знаю, как убеждения, а научные интересы она сохранила до самого диплома. Что и было оценено по достоинству. За границей. Ну а где еще можно удобнее исследовать Третий рейх?

В тот же последний августовский день было положено начало куда более крепкому знакомству, которому я поначалу не придавал значения. Альберт был белогвардейцем. Я нарочно не беру это слово в кавычки, так как он не только считал себя сторонником известного движения, но и был ефрейтором Корниловского полка (военно-исторического, разумеется). Кроме того, тогда он тоже был монархистом. Более умеренным, чем я, но все-таки приятно. Мы с ним немедленно составили план совместных действий по восстановлению трона, к реализации которого Альберт привлек еще одного патриота, Кириюшу. Втроем мы казались себе внушительной силой.

Где-то на третьей неделе учебы Кириюша в конце лекции по философии пытался зачитать наш совместный манифест. Он влез на кафедру, мы встали рядом по обе стороны, как телохранители. Но только Кириюша открыл рот, как откуда-то с дальних рядов донеслось: «Дожили! Трое ев-

Автор: **Иван ЛОПАТИН**

В УЧИТЕЛЯ...





реев Россию спасают...» Зал закатился в хохоте. Мы сконфуженно посмотрели друг на друга и разошлись. Трон остался невозстановленным.

После первого курса Кириюша уехал в Израиль. Отслужил там в армии, от которой так тщательно хоронился здесь, и...вернулся. У него как-то на удивление быстро образовалась семья. Два года назад он работал барменом в каком-то ноч-

Однако никто из нас не стал бы понапрасну называть его тупым. Во-первых, он сам бы не разрешил. А во-вторых, он все-таки сумел не только поступить (что уже само по себе немало), но и до самого конца без срывов удержаться в институте. Весьма вероятно, что Оксана сыграла здесь не последнюю роль. Она еще со школы вынесла умение тяжело и напряженно работать. К учебе, как и к жизни, у нее был чис-

Ныне Степан — кандидат-философ, ас московских частных учебных заведений. Его перелеты с одного места работы на другое можно сравнить по стремительности только с набегами Чингисхана. У него большое будущее, и это будущее он крепко держит в своих руках.

Однако рядом для контраста всегда существовали люди, которым доставалось явно больше, чем полагалось среднему российскому гражданину. Правда, Матвей никогда не считал себя средним. Он гордо заявлял, например, что до 12-ти лет в принципе не ездил в общественном транспорте, а его произношение повергало в поч-

Эти люди собирались убить пять лет жизни на обеспечение своего будущего.

ном клубе, но разве можно быть уверенным, что встретишь его там сегодня?

Альберт после этого случая сильно полевел. Теперь он считал себя непредвзятым, хотя по-прежнему числился в рядах Белой армии. Так получилось, что со второго курса я опять оказался в новой группе, на этот раз вместе с Альбертом. Он тогда очень страдал от одиночества и время от времени принимался ухаживать за кем-нибудь из однокурсниц. Получалось это у него не слишком ловко, поэтому когда Альберт обрел недостающую часть себя, я скорее удивился, чем обрадовался. Барышню звали Сашей. Она была невзыскательна, но горда собой и занималась французским рыцарством. Состоявшийся союз дал много поводов для сплетен, но оказался неожиданно крепким. Насколько я знаю, он существует и до сей поры. Альберт, как и я, с третьего курса преподает в средней школе, и хотя голова его может служить иллюстрированным и говорящим каталогом фондов русского зарубежья всех библиотек города Москвы, получает не больше обычного учителя. Саше достался на долю гуманитарный лицей.

Наш первый староста Петр был очень решительный человек со стальным нестерилизованным взглядом. Когда он собирал взносы или отмечал отсутствующих и медленно качал головой, то мне казалось, что провинившихся ждет, по меньшей мере, десять лет заключения. Это было не так уж приятно, тем более, что часто виноватым был я. Когда пять человек из группы (в том числе мы оба) с треском провалили первый экзамен на первой сессии, место старосты как-то сразу стало вакантным, а взгляд значительно притупился. С того времени Петр приналегал на иностранный язык и теперь он — довольно-таки классный переводчик.

Витю и Оксану сейчас не разлить водой, а на первом курсе они еще только присматривались друг к другу. Витя был разбитым парнем, не слишком обремененным общей эрудицией и тягой к науке.

то русский женский подход. Когда было непонятно, она просто впрягалась и везла. В результате Оксана вывезла к пятому курсу не только себя, но и Витю, и два диплома, и частные уроки английского. В свою очередь Витя взял на себя материальное обеспечение. Так ли уж важно, где они устроились? При таком четком разделении труда люди, как правило, не пропадают.

Женя всегда был немного франтом. На первом курсе он, помнится, пошел работать дворником, чтобы купить себе плащ, костюм и шляпу. Его конспекты выглядели так же аккуратно и чисто, как его гардероб. Безупречному состоянию того и другого немного помешала встреча с девушкой из Белоруссии посредине четвертого курса. Любый самый острый ум поневоле притупится, когда используешь его только для добывания насущного хлеба. Теперь Женя — менеджер в фирме по продаже конфет. Наука и школа что-то в нем потеряли. Немного, но потеряли.

На первом курсе я судорожно сдавал первую сессию, несколько более спокойно — вторую. На людей оставалось не слишком много времени. Но когда я попал в новую группу, то поневоле пришлось присматриваться к соседям заново. Староста Степан — казался мне отличником без страха и упрека. Он, как Терминатор-2, был выплавлен из какого-то жидкого металла. Это позволяло ему выходить неуязвимым из любого экзаменационного шторма. Каждый факт, каждое имя, попадавшие ему в голову, прокручивались там и использовались впоследствии на сто процентов. Когда он отвечал, то казалось, что преподавателю сделано огромное одолжение, и с трудом верилось, что этот человек, в общем-то, случайно оказался на истфаке. Он писал по две курсовых в год, трижды (невиданное дело!) менял руководителя диплома. Таких фокусов не потерпели бы ни от кого, но он был первым, а значит, прощенным. Честно говоря, мне кажется, что это первенство было завоевано так легко только потому, что все кругом в тот момент соглашались быть вторыми.



тительный трепет старейших преподавателей кафедры английского. Было непонятно, как такой человек вообще оказался у нас в университете. Когда на третьем курсе мы начали опеределяться с работой, он самовыразился вполне конкретно. С нового 1994 года автомашина с личным шофером всегда стояла у крыльца, и в виде особой милости хозяин мог иногда покатавать вас. Вывоз цветных металлов за пределы Родины, конечно, не слишком красивое дело, но ведь кому-то надо было его поручить.

Теперь Матвей с чистой совестью собирается войти в английскую науку и культуру. Созданная им солидная база недвижимости в Москве, Лондоне, Париже и Мадриде позволяет уже сейчас начинать «жить так, чтобы потом не было мучительно больно». Хорошо бы, кабы не было...

У Ивана, может быть, и не самая завидная, но зато самая экстравагантная судьба. Чтобы выпускник истфака возил генерала из МУРа... Это, согласитесь, неординарный случай. Иван принадлежал к последнему поколению секретарей школьного комитета комсомола. Параллельно с уче-

А вот Дмитрий не смог устроиться даже в школу. Дима — инвалид 2-й группы. Может, он и не гений, но учился довольно ровно, к концу пятого курса его потенциал значительно вырос. Однако тех, кто бы востребовал его, так и не нашлось. Дима живет с матерью один. Дальше судите сами.

Я искренне

вел из службы занятости и много-много учителей, которыми неожиданно стали вчерашние мальчики, «закосившие в пед» от армии, и робкие девочки, вздрагивавшие при слове «школа». Большинство из них не выбирало своей профессии. Профессия догнала и выбрала их сама.

11 июня 1996 года я наконец вздохнул с облегчением и положил свой красный диплом в карман. Пять лет было позади.



бой он с гораздо большим увлечением работал в автосервисе. И к третьему курсу уже приезжал учиться на «Волге», которую собрал своими руками. В руках у него горело буквально все: теннисная ракетка, гаечный ключ, указка учителя (было и такое, на практике). Ученики не чаяли в нем души, ему школьная работа тоже была по сердцу. Весь вопрос упирался в деньги. Может быть, следующий президент или премьер-министр сумеют предложить достойный выход из такого положения. А до тех пор у начальников МВД будут непременно появляться шоферы с высшим педагогическим образованием.

Большинство из них не выбирало своей профессии. Профессия догнала и выбрала их сама.

прошу прощения, что на этих страницах не уместились Гриша и Миша, создавшие свой кирпичный завод, Илья, преподающий студентам в православном университете, Сергей из авиационного КБ, Агнесса из аналитической службы внешней разведки, Светлана из церковного хора, Па-

Из 134 «монстров» до финиша дошли немногим больше 80. Мне пора было в Сибирь. Глухая деревня явно издыхала в ожидании Гоголя. Правда, все кругом толковали о какой-то аспирантуре. Но ведь живут же на свете люди и без ученой степени...

— Слабо? — спросила мама...



УЧИТЬСЯ МНЕ ПРИШЛОСЬ



Александр, 22 года

После окончания школы и поступления в институт резко повысились мои потребности в источниках дохода, как это обычно бывает, далеко за пределы возможностей.

Ничего особенного делать я не умел или думал, что не умею.

И однажды я воспользовался возможностью поработать на выборах в Мосгордуму. Нужно было собирать под-

писи в поддержку моего кандидата, распространять агитационный материал, встречаться с жителями моего района и даже подъезда, убеждать, спрашивать про проблемы, нужды и ожидания. Также надо было уничтожать агитационный материал конкурентов.

Была зима, и работа по расклейке на улице была малоприятной. А необходимость стучаться в каждую квартиру и вести статистику встреч приносила еще меньше положительных впечатлений. Случались и нападения на агитаторов. Но мои респонденты ограничивались словесными побоями. Я услышал в свой адрес много нового и неприятного (сейчас я думаю: нечего людей беспокоить). Правда, было и нормальное общение с хорошими людьми, теплые отзывы на такую общественную активность. Самой приятной и спокойной частью этой работы было мое присутствие при голосовании и подсчете голосов. У меня были кое-какие полномочия, и это было даже интересно. Мой кандидат выиграл выборы, и я был рад, потому что это достойный человек, и к тому же в его победе была и моя заслуга. Вместе со мной работали мама и сестра, это давало большую поддержку и помогало переносить неприятности.

Заработанные деньги казались поначалу целым капиталом, но это был первый трудовой опыт и приносящая ему наивность.

Про работу я забыл почти на год. Надо было учиться, я был на первом курсе. Кроме того, я уви-

дел, что работать трудно, а работать без профессии еще трудней.

Потом почти год я работал официантом в ресторане при одном московском казино. Работать приходилось по 12 часов два дня через два, то днем, то ночью. Было тяжело, и временами я просто нарывался на увольнение, работал «на автомате», но гнев начальства меня миновал. Условия были строгие. За все нарушения наказывали домаром. Жалование выдавали тем же зеленым налом. Доход мне казался не таким уж и маленьким, но его почему-то опять не хватало. Иногда сильно выручали чаевые. Но было то густо, то пусто.

Потихоньку я освоился здесь, решил множество вопросов, связанных с захватом и удержанием своего статуса в коллективе, где кто сильнее и наглей, тот и прав. Иногда дело почти доходило до рукоприкладства. Вот тут я вспомнил про армию, в которой не был. Борьба за место под солнцем велась по законам джунглей. При оформлении на эту работу возникли трудности в вопросе принятия ИНН. Требовали принять его, но удалось отстоять свои принципы. Им нужны были люди, и когда я поставил вопрос о том, что я ухожу, если нельзя без этого проклятого номера, меня оставили в покое.

Посетителями казино были бандиты, бизнесмены, звезды шоу-бизнеса, китайцы и даже депутаты Госдумы, один из них просто жил в казино, круглосуточно играя в карты. Как это ни странно, на размерах чаевых их богатство никак не отражалось. Мы для них были просто лакеями и черныш. И это порождало классовую ненависть!

Я впервые увидел не по телевизору многих известных людей. Был такой курьезный случай с Иосифом Кобзоном. Я его обслуживал и хотел унести тарелку, но он изумленно посмотрел на меня и сказал: «Я же еще не поел!» Но я-то не мог догадаться, поел он или нет: блюдо было экзотическим, и нельзя было определить, в какой степени и в каком количестве оно съедобно.

Атмосфера этого заведения была контрастной в зависимости от времени суток. Днем это был обычный ресторан, спокойный и даже пустынный, работать было приятно. Правда, надо было часами стоять, как на посту, в зале, когда не было ни души. Но такие были правила. Садиться было нельзя. В плане отдыха привилегии были у тех, кто курит. Они могли бегать по своим делам хоть каждые пять минут. Ку-

НЕ В СТЕНАХ ИНСТИТУТА

рили на служебной лестнице, и мне приходилось задерживать дыхание, чтобы пройти на рабочее место. Это возмущало до глубины души. Когда нужно было работать ночью и атмосфера становилась невыносимо злочной, я старался не работать в зале и занимался тем, что натирал до блеска приборы, складывал определенным образом салфетки и резал хлеб.

Через несколько месяцев начались проблемы с замдиректора ресторана. Он сразу меня невзлюбил и придирался к моей работе постоянно. Вскоре он добился своего, и я написал заявление об уходе. Все равно работать стало невозможно – мой статус в коллективе его стараниями стал падать. Потом стали падать мои доходы, и уже не было ни сил, ни желания все это терпеть.

Сначала я страшно обрадовался долгожданной свободе. Но нужно было искать новую работу, и я ее нашел по объявлению в Интернете – свою самую скучную и безрезультатную работу в отделе рекламы одного престижного издания по строительству. Нужно было вести переговоры о размещении рекламы с руководителями связанных со строительством организаций.

Через два месяца я ушел отсюда и попал на самую экстремальную мою работу.

Я на целый год стал курьером по доставке пиццы и суши. Здесь был очень пестрый коллектив: от студентов, протестантов и нелегалов до алкоголиков и маргиналов, в том числе находившихся под следствием. Если вспомнить Данте, то это был следующий после казино круг трудового ада: по 16 часов в день, два через два, несмотря на праздники и выходные. Это была беготня по всей Москве, езда на всех видах транспорта, днем и ночью, в любую погоду. С тех пор я не могу спокойно ездить на общественном транспорте. Сначала пиццерия находилась в здании Курского вокзала, со всеми вокзальными прелестями. Но потом я перешел работать на «Третьяковскую», в мой любимый район Москвы. Недалеко от работы был храм Николая в Пыжах. Я туда часто ходил в перерывах между заказами. Иногда заказов не было по полдня, и я уходил на службу в храм. Это была такая радость – после курьерской комнаты зайти в храм Божий! Это сильно укрепляло меня.

Кончилось все неожиданно и стремительно. Я пришел на работу 9 мая, была хорошая погода, и все было хорошо. В курьерской комнате стоял теле-

визор, и было приятно посмотреть передачи про Победу, увидеть ветеранов и парад. Потом один из курьеров попытался меня оскорбить в очень грязной, уголовной форме. Я дал жесткий отпор, произошла схватка. Мне пришлось вызвать милицию, так как силы были неравны, а дома ждали жена и маленький сын. Этим я сильно попортил нервы начальству, так как из-за этого инцидента вскрылись многочисленные нарушения трудового законодательства, этой организации грозил большой штраф за привлечение к работе нелегальных мигрантов. Меня похорошему попросили забрать заявление из милиции. Это был ключевой момент, и на этом трудовой ад закончился. Самым интеллектуальным и приятным стало мое нынешнее место работы. Сегодня я консультант по винам. Работа творческая и временами очень интересная, но, признаться, и она мне уже опостылела. Я давно уже осознал, что все эти работы не для меня, но, наверное, они нужны были как ступеньки моего развития. Эта тяжесть дала большой стимул учиться, чтобы потом работать по профессии в более интеллигентных сферах. Я скоро заканчиваю факультет журналистики. Но учиться мне пришлось не в стенах института, где я бывал очень редко, в основном во время сессий, а окупившись в эти трудовые опыты. Надеюсь, это еще принесет свои плоды.





«ПРОДАВАЙТЕ МНЕНИЕ,

Саша Койдан



По заданию редакции я устроилась в ведущую компанию по продаже сотовых телефонов, чтобы ощутить на себе, что такое корпоративный труд.

Первый шаг

После долгих предварительных звонков я отправилась в учебный центр. Там нас собралось человек двадцать. Мы заполнили анкеты с какими-то тестами, поговорили за жизнь с кураторами. Вопросы были из числа таких: «А почему вы хотите работать у нас?» или «Хотели бы вы сделать карьеру в нашей компании?»...

На другой день нам назначили «полиграф». Народ в приемных толпился, всем было интересно и немножко страшно. Это обязательная процедура. Я захожу в комнату, где сидит начальник охраны с ноутбуком. Мне в разбивку задают самые неожиданные и противные вопросы, а на мониторе отображается, вру я или нет. Вопросы задают в хорошем темпе, и времени подумать

нет совсем. Ради опыта я пару раз сказала неправду – монитор все отобразил! После этого мониторинга я спросила у начальника службы безопасности, зачем это надо. Немолодой уже мужчина нравоучительно мне сообщил: «Так мы пытаемся отсеять наркоманов и воров. На компьютере видны даже потенциально зависимые люди. Но вы не волнуйтесь, у вас все в порядке».

Стажеры

Я была зачислена в стажеры.

Начались бесконечные тренинги. Изучение программ, игровые ситуации, где каждый из нас побывал продавцом и клиентом, тестирования. Опять тестирования.

Как-то на глаза попался плакат (их в учебном центре полно): «Продавайте мнение, что у нас дешево!»

Мне позвонили накануне и сказали, что я выхожу стажироваться.

С содроганием сердца отправилась на торговую точку. Главный продавец-женщина опоздала на полчаса, сразу даже не поняла, что я стажер, но перешла на дружеский

тон и сказала: «В отделе распределения что-то перепутали, ты у нас не должна быть сегодня, сейчас я открою салон, а потом мы позвоним. Ты только не болтай, во сколько ты пришла, а то меня оштрафуют». Можете себе представить мои чувства? Это и облегчение, и обида, и вообще – что мне делать-то?! В компании достаточно строго относятся к опозданиям стажеров. Ей-то ничего, она-то продавец, а я в работе заинтересована, а за опоздание могут и не допустить дальше стажироваться. Подтянулись остальные продавцы. Меня учили, что за опоздание на минуту штрафуют на десять долларов!

Два парня смерили меня насмешливыми взглядами, хотя я точно знаю: если бы мы встретились не на рабочем месте, таким взглядом одарила бы их я!

Потом наконец разобрались, и меня переправили на другую точку. Там одни ребята. Все оценивают. И понеслось. «Ну-ка, покажи-ка, чему там тебя научили...» А еще чаще я слышала: «Нет, не так, быстрее...» В конце дня выяснилась нехватка. Сняли с меня. Ужасней всего было, что 300 рублей в кармане у меня не было, ребята скинулись и покрыли «мой» долг.

Так же примерно прошел месяц стажировки.

Надо было сдавать экзамены на продавца. Кто не сдаст, стажировается еще три месяца и потом сдает повторно, если не сдаст, то уходит.

Совершенно забыла сказать об условиях. Изначально график был два через два. Рабочий день 12 часов. Зарплата от процентов. Выходные и боль-

«Что у нас дешево!»

ничный не оплачиваются. За стажировку тоже платят, конечно, только мало, в сравнении с продавцом.

Сдав наконец экзамен, я получила ключи от точки.

Точка

Радости никакой. Я знаю, что за каждую пылинку мне придется расплачиваться из своего кармана. Еще неизвестно, кто у меня будет в напарниках.

Как мне эта желтая рубашка! Это ведь не просто форма. У меня это – статус. Это модель, это образ жизни и образ мысли.

Мысли мои крутились только в направлении того, что пора заканчивать этот дурацкий эксперимент. Честно, не представляю, как люди работают в таких компаниях годами, я жутко устала уже быть ответственной за все, уходить из дома в семь утра и возвращаться в полночь, как Золушка.

И ведь все рабочее время продавец стоит на ногах. Стулья только для клиентов!

Вечеринка

Шорохи о корпоративной вечеринке пошли, конечно, задолго до ее официального объявления. У кого-то из продавцов появился знакомый в офисе, ну и тайна стала разрастаться. Я как журналист понимаю, что появление «знакового» – это пиарный ход. Так или иначе, но слух

подхватили и понесли, он оброс разными легендами и предположениями. С учетом того, что в Москве только торговых точек более пятисот, а на точке может быть до четырех продавцов (ведь еще каждый свое слово добавит). Меня эта игра очень забавляла. Несколько тысяч сотрудников под большим секретом рассказывают друг другу что-то, чего никто толком не знает...

Однажды утром я получила на точку файл (все уведомления, поправки на цены и другую важную информацию, сотрудники получают через Интернет) с объявлением, что такого-то числа состоится вечеринка. Через неделю опять письмо, что с вопросами о приглашениях обращаться к такому-то сотруднику. И вот за два дня в общем потоке информашек – маленькая такая заметочка: где, во сколько, кто из знаменитостей приглашен. Можно себе страстей был в день вечеринки! И тут выясняется, что нужно прийти в карнавальной костюме. Без него никого не пустят. С работы все уйдут раньше на два часа, чтобы добраться на место проведения. Наверное, в день утренника для взрослых никто толком не работал, все обсуждалось, кто в каких нарядах явится. Я была увлечена не меньше, от монитора не отходила, клиентов было мало. И тут

ПРОВЕРКА. Штрафанули меня на сто домаров за «неуважительное отношение к клиенту».

Зачем было приходиться в костюме? Народ быстро пьянел, известную группу, выступавшую для нас, не было слышно... Но ведь мы общались, посмаковали потом, как каждый добирался до дома – ведь праздник закончился в три часа ночи! Весело было.

Информашки

Они скрашивают долгие часы напряженного труда. Чаше, конечно, продавцы выручают друг друга тем, что оповещают о проверках, о том, как могут выглядеть воры, в каком районе произошла кража...





Постепенно теряешь способность мыслить, невольно начинаешь думать, а что бы эдакое еще «впарить» клиенту, чтоб увеличить зарплату.



Помимо всякой полезной и не очень инфы проскальзывают очень интересные экземпляры. Так, например, я долго смеялась над очень талантливым письмом и профессиональным взглядом оценивала стиль написанного, немало удивляясь, что есть среди сотрудников такие личности. Но за увлекательной формой чуть не упустила, что читаю я про сотрудника, который проворовался, что долго к нему не приезжала ревизия, а потом он сбежал, что арестовали его отца, а в итоге парня посадили на пять лет, даже после того, как он все вернул. Я сохранила на память этот текст, жаль, что не могу опубликовать, но цитирую отрывок. Кстати, в этом тексте специально подчеркнуты имя и фамилия.

«В. П. вскрыл сейф, взял два телефона (наверное, ему столько до счастья не хватало) и отправился этим счастьем наслаждаться. Наслаждался он тем, что бомжевал по лесам С-й. области, подъездался на помойках, опаршилел совсем...»

Вот такой вот корпоративный тон письма!

Клиент

Клиент всегда прав.

Одна из самых главных заповедей компании: «Клиент должен быть облизан и обобран!»

Уважающая себя компания должна работать на клиента. Помогать ему выбирать, разъяснять, если надо. Теперь перенесем это на наш русский менталитет. Вам смешно? До того как я проработала продавцом, никогда не знала, что люди такие... Наверное, такие же, как и продавцы, только не испытавшие всю силу желтого цвета на себе.

Вот пара ситуаций:

«А у вас можно сделать платеж любой ценой?» Или: «А у вас карточки Мегафона с бородой есть?», или «А вы сто рублей сможете поставить?»

Еще. Заходит красивый сын гор к нам в салон, покупает зарядное устройство к телефону, а потом интересуется, есть ли у нас «фанерка» к этому чуду техники. Привыкнув к сленгу этого быстроразвивающегося народа, мы сделали вывод, что

клиенту требуется новая панелька... Мы перебрали все: и шнур с «дровами», и SIM-карту... Но после того как он сказал, что эта «деревяшка» запоминает фотки и мелодии, все встало на свои места!

В общей сложности я проработала в компании три месяца. За это время я заработала вполне приличную сумму. Но. Все это время ты выполняешь механическую работу. Да, ты считаешь, улыбаешься, консультируешь, вбиваешь данные, отзваниваешься – но ты работаешь калькулятором, постером, диктофоном...

Постепенно теряешь способность мыслить, невольно начинаешь думать, а что бы эдакое еще «впарить» клиенту, чтоб увеличить зарплату. Очень быстро все сознание перестраивается на такой лад. В какой-то момент я почувствовала, что мельчаю на глазах, что внутри у меня пустеет. О такой ли работе говорится, что это «единственная радость в жизни, которую нам дал Господь»? И о такой ли работе мечтают школьники, выбирая вуз? Я для себя сделала однозначный вывод: лучше работать «за мало», но творчески, чем хорошо зарабатывать, теряя жар души. Хотя, конечно, бывает, что по-другому нельзя.

был курьером по интерьерам

Сергей, 23 года

Когда я был подростком, то перепробовал много разных подработок. В том числе полгода помогал своим знакомым из фирмы, связанной с интерьером: был курьером. Надо было перевозить из разных мест документы, ткань, фурнитуру – то есть небольшие заказы. С большими справлялись водители фирмы. График был довольно жесткий, но я сам его выбрал. Мне говорили: «Сегодня ты должен съездить в четыре места. Сможешь?» Оплата соответствующая: если пересчитывать на сегодняшние деньги, то около 200 долларов зарплата плюс 20 долларов на сотовом телефоне и полный проездной на наземный транспорт и метро. Отношения с начальством сложились хорошие, так как это были мои знакомые, но один из дизайнеров фирмы часто придибался ко мне. Я старался с ним не связываться, главное для меня было – поскорее выполнить свою работу. И то, что работа курьера непрестижная, тоже имело для меня мало значения, ведь это приносило неплохие деньги. Я смог себя обеспечивать, прикупил себе сотовый телефон, одежду, мог не экономить на развлечениях и еде. Мог сводить девушку, которая мне нравилась, в хорошее кафе и заплатить за нее – а среди подростков это очень ценится. Плюс ко всему я стал хорошо ориентироваться в Москве, а ведь многие москвичи плохо знают свой родной город. Мне с этим повезло.

Вообще такого типа работу можно совмещать с учебой, но мне очень нужны были деньги, чтобы скорее стать финансово независимым (в семье были проблемы). Так что на первом курсе института я ушел в академ, а потом и вовсе отчислился, потому что охладел к той профессии, которой учился. В какой-то момент я задумался: что дальше? Работа работой, а никакого продвижения нет, и больше денег на этой должности не заработать, ты сидишь на зарплате. Выше меня только продавцы в павильоне, ди-

зайнеры и директор, фирма-то небольшая. Одно дело, если бы я, например, учился на юриста и пошел работать курьером в большую юридическую контору с надеждой дальнейшего роста. Многие так и делают, но я тогда еще не знал, чего хочу. Продвигаться в профессии, связанной с интерьером, я не хотел, мне это было чуждо. И стал искать себя, пробоваться в разных областях.

Постепенно я понял, что мое призвание – парикмахерское дело. И вот я окончил специализированный колледж, устроился в очень хороший салон красоты и занимаюсь любимым делом. Те подработки сыграли здесь свою роль. Они дали мне возможность определиться, чего же я хочу на самом деле. И реализовать это. ●



Фото: Сергей Тимашенко

Подготовила Елена МЕРКУЛОВА



Ксения, 19 лет

Мне пришлось искать подработку, так как я приехала учиться в московский институт из далекого сибирского города. Многие старшие школьники и первокурсники гнушаются такой плетейской работой, как раздавать листовки на улице, но часто именно с этого приходится начинать. Одна знакомая предложила рекламировать шкафы-купе, и я согласилась.

Работали мы по парам, платили нам около 100 рублей за час. Работали осенью по 4 часа после института пять дней в неделю, к счастью, было не очень холодно. В случае чего можно было погреться в ближайшем метро, хотя нас оттуда гоняли так называемые «оранжевые враги», то есть уборщицы. Самое ужасное, что поверх наших курток надо было одевать огромные футболки дикого желтого цвета с надписью «Найди!» Что найди, осталось тайной как для нас, так и для тех, кому мы раздавали листов-

ки. Нетрезвые прохожие подшучивали над нами: «Красавицы, давайте вместе поищем». Мы с юмором подошли и к тому, что на логотипе фирмы этих шкафов-купе был нарисован почему-то жираф, скандировали: «Шкаф-жираф, шкаф-антимоль, шкаф-антискелет. Плюс путевка на Майами бесплатно!» Короче, веселили народ и сами не скучали.

Хотя, конечно, мы мерзли, ноги уставали стоять, мозги начинали отключаться к вечеру. Иногда я начинала ненавидеть Москву и ее озлобленных, равнодушных жителей: стоишь, улыбаешься четвертый час, как дурочка, протягиваешь им листовки, а никто не обращает на тебя внимания... Я тогда особенно заметила, какими бесчувственными, нахмуренными могут быть люди после рабочего дня.

Больше мне понравилось расклеивать листовки перед выборами в ГосДуму, мы перемазались клеем, было весело. Мы не особо интересовались, что за кандидата рекламируем, прикалывались над его фамилией, над предвыборной речью на листовке. Главное, нам хорошо платили, давали еще на сотовую связь и на еду. Поработала я там недолго, скоро вообще ушла с такого типа подработок, нашла кое-что посерьезнее, связанное с моей будущей профессией журналиста. Но воспоминания остались неплохие. На улице видишь такие любопытные человеческие личности... Мы даже вели дневники, где описывали внешность, поведение этих людей. Это была настоящая психологическая школа. Когда теперь перечитываю, невольно поднимается настроение, начинаю улыбаться.

Подготовила Елена МЕРКУЛОВА

**Вместе поищем, или
шкаф-жираф плюс путевка бесплатно**

Квашеная капуста (поставить не стыдно, съедят – не жалко)

Алексей, ученик 10 класса, г. Москва

Мой брат уже давно занимается журналистикой. Он публиковался во многих изданиях. Редко бывает что на его статьи не обращают внимания. Бывает, что их встречают резкой критикой, но, как правило, они просто интересны. Я много видел, как пишет статьи мой брат. Он пишет уже давно, так что мне было видно его работу с самого начала. Точнее, как он начинал, я не знаю. Очевидно, потому что тогда я не придавал этому значения. Я помню его работу с того момента, как она приобрела некую регулярность. Мне нравилось, что он писал достаточно независимо и отчасти консервативно. Но всякий раз, когда я видел, что у моего брата не получается написать статью, это меня удивляло почти до возмущения.

И вот польстил я себя надеждой, что легко смогу получить «корочки» корреспондента теперь, когда мой брат сведущ в этом деле. Мне казалось, что он просто принесет удостоверение, а мне останется только вклеить свое фото. Спросил я у брата, как, мол, можно получить удостоверение корреспондента? Он не стал сразу отказывать, а предложил написать пару статей, чем я тут же и занялся. Ведь мне казалось: что может быть легче, чем просто писать, растягивая мысль на весь материал и обобщая как можно шире? А затем добавить, что писал, мол, тот-то и тот-то, подсчитать количество знаков, и – готово дело!

Но не тут-то было. После того как я взял лист бумаги и сел за стол, я, как дурак, просидел полчаса и не написал ни одного слова. Смотрел по стенам, в окно, напряженно думал... Но так ничего и не вышло. И так было несколько раз, но всякий раз повторялось все то же: я бросал это дело и начинал заниматься другим. Таких попыток (или пыток самого себя) было несколько, но все они не увенчались успехом. И все-таки по-прежнему я тешил себя надеждой, что у меня что-нибудь да и выйдет. Попробовал опять написать маленькую заметку о спорте. Написал, но прочесть было противно, а показать кому-нибудь – стыдно.

После этого сижу вечером и думаю: «Как сложно написать статью оказалось, а я возмущался, глядя на брата». Подумал и решил написать о том, как сложно писать интересную статью. Вот и написал. Почти три тысячи знаков. Может, кому-нибудь будет интересно?

P. S. Когда я на следующий вечер показал все это брату, он прочел и сказал, что, в принципе, ему было интересно, но где такое публикуют, он не знает. А потом вдруг вспомнил про журнал «Наследник», который я тоже иногда читаю. Тогда я попросил его набрать мою статью на компьютере, чтобы он мог исправить ошибки. Но он сказал, что если поправить все, то получится очень скучно. Поэтому он набьет почти как есть, придумает заголовок и пошлет в вашу редакцию с моего почтового ящика в сети. Жалко, конечно, если вам не понравится. Но я все равно не расстроюсь, потому что писать статьи – это, оказалось, тяжелая работа. И я рад, что наконец это понял. Хотя удостоверение (или деньги) мне получить все равно хочется.





Фото Анатолия Мельникова

Да разве ж это труд?

Анна ВАНИНА

– Сначала поработаем на огороде, а потом уже займемся своим баловством, – строго сказала Марине баба Маня.

Марина работала фотографом в журнале, она обладала тонким чувством красоты, и поэтому ее снимки очень ценились. Она жила одна, но всегда старалась материально помогать пожилым родителям. Поэтому подрабатывала то в рекламе, то в частной съемке. Каждый год Марина приезжала летом в деревню к своей двоюродной бабушке – отдохнуть от городской суеты, помочь по огороду, а заодно и поснимать местные красоты для своего журнала. Баба Маня была женщиной простой, малограмотной, строгой, но в общем доброй. Марину она любила, никогда не отпускала ее без гостинцев – деревенской картошечки, морковочки, лучка, многочисленных банок с вареньями и соленьями. У нее самой не было детей, и к своей племяннице она относилась как к родной внучке.

– Почему же баловством? Это моя работа, – спросила Марина.

– Да какая ж это работа – скакать с фотоаппаратом по полям – по лугам? Ты, Маринка, настоящей работы не видела. Вот я всю жизнь живу в деревне, всю жизнь работаю: дождь ли, снег, болезнь какая прихватит – а по хозяйству дел всегда невпроворот. Кто их за меня будет делать? Не то, что у вас там в городе – избаловались все, работать не хотят.

Марина вспомнила, сколько трудов было положено, чтобы в совершенстве овладеть своей профессией, сколько книг прочитано, сколько часов проведено за

изучением различных компьютерных программ, сколько кадров перепорчено, но дальше спорить не захотела, взяла рабочие перчатки и отправилась в огород на прополку.

– Барыня какая вышла – в перчаточках, ручки боится запачкать, – ворчала баба Маня, пока барыня Марина проворно дергала траву на грядках.

Марина не обижалась: она понимала, что баба Маня выросла и жила в другой стране, с другими ценностями, где только тяжелый физический труд и считался настоящим трудом, где грязные мозолистые руки свидетельствовали о трудолюбии их владельца, а чистые и ухоженные, наоборот, принадлежали только лентяям и белоручкам. А в деревне и особенно – здесь люди жили своим физическим трудом.

Марина разогнулась, чтобы немного отдохнуть от непривычного положения, и увидела, как на соседний огород, еле шевелясь, вся скрюченная, медленно выползла девяностолетняя женщина – баба-Манина соседка Анисья. Выползла, опустилась на колени и приступила к прополке своих грядок. У бабки Анисьи было полно детей, внуков, правнуков, которые каждый год уговаривали ее отказаться от огорода, обещали обеспечить ее продуктами, давали денег, звали жить к себе, наконец. Но упрямая старуха стояла на своем и говорила, что, пока жива, будет жить здесь, сажать огород, вести хозяйство. И Марина понимала, что, отбери у нее все это, ее непрерывный, казалось бы, непосильный труд, – сляжет ведь сразу и умрет. Только заботы о хозяйстве, об огороде давали силы каждый день вставать с постели и жить дальше.

– Чего встала как столб? – прервала Маринины мысли баба Маня. – Устала, так хоть отойди в сторону, чтобы люди не видели.

Она боялась, что соседи могут увидеть стоящую посреди пашни Марину и подумают, что она не работает, а так – прохлаждается. Потом ведь будут судачить, что к бабе Мане приехала племянница из города – белоручка. А это позор!

Марина наклонилась и снова принялась дергать лещу с повилкой.

Время двигалось к полудню, солнце припекало все жарче и нестерпимее. Народ с соседних огородов стал потихоньку расходиться по домам, обедать и отдыхать. Пошли и Марина с бабой Маней.

После обеда Марина, заручившись одобрением строгой хозяйки, собрала свою заветную сумку с фотопринадлежностями и отправилась за деревню заниматься своим баловством.

радость

Диана РОМАНОВСКАЯ

Рано утром смотрю в окно – еще с вечера валит снег, думаю: «Нужно будет пробираться сквозь огромные сугробы». Выхожу из дома и удивляюсь: выход из подъезда уже расчищен. Слышу: «Доброе утро! Дай Бог здоровья, моя хорошая!». Так наш дворник Джума здоровается со всеми. Правда, у него сильный акцент и говорит он очень быстро, поэтому получается что-то вроде «дбздрмхр». Но все уже привыкли и понимают его.

Джума – это что-то вроде лица нашего двора. Если увидишь его утром и услышишь стандартное «дбздрмхр», то повышение настроения обеспечено. Иногда Джума может остановить кого-нибудь из жильцов двора и поинтересоваться состоянием здоровья или просто настроением. Кроме того, помимо своих прямых обязанностей он часто помогает жильцам в качестве слесаря или сантехника. Всегда удивляет то, что он знает имена, фамилии, отчества, места работы и учебы всех обитателей нашего двора.

Джуме уже 60 лет, но он не собирается покидать свой пост. Его работа для него – огромная часть его самого. Он не представляет себе свою жизнь без физического труда, который кормит его, его семью и приносит пользу окружающим. Главная черта Джумы заключается в том, что результатом своей работы он видит не заработанную сумму денег, а именно пользу, которую он приносит окружающим. А обязанности-то у него нелегкие – достаточно упомянуть ежедневный вынос мусора, еженедельную санитарную уборку с хлоркой всех подъездов и подметание улиц. Плюс его возраст. Хотя по Джуме никогда не скажешь в точности, сколько ему лет: вроде бы немолодой человек, а работает в полную силу и всегда улыбается. Его несколько не тяготят его обязанности, он не видит ничего зазорного в своей профессии. Главное, говорит Джума, постоянно трудиться, напрягаться, пересиливать себя, потому что без этого человек превращается в никому не нужного лентяя; он считает, что лень – это болезнь всего человечества, с которой постоянно нужно бороться, чтобы элементарно выживать.

Так смотреть на жизнь Джума научился еще с детства, которое у него было совсем не легким. Сам он родился в Барселоне, отец его был испанцем, мать – азербайджанкой, а при рождении ему было дано имя Джонсон Эдвард Паншавилов. Имя Джума ему дали в детдоме в Азербайджане, куда он попал после автомобильной катастрофы, в которой погибли его родители. Там он жил до 16-ти лет, после чего ему дали ма-

ленькое хозяйство: дом-сарай, кур, гусей, коз – и сказали: «Живи и радуйся, только работай». Этому совету он и последовал; последовал не потому, что был послушным мальчиком, а потому, что иначе не на что было бы жить. Наверное, именно в этот период своей жизни, когда Джума остался один на один с собой и своим хозяйством, которое получил от государства, он понял, что от того, чем он будет заниматься, зависит его будущее. Вскоре Джуму отправили на службу в армию, в ВДВ, а после по распределению – в Москву, где он пять лет работал бетонщиком и получил прописку. Джума говорит, что успел побывать слесарем, сантехником, охранником, строителем, укладчиком асфальта... Но нашел себя именно в качестве дворника, потому что результат своей работы он видит не только в количестве выполненных заданий, а в спокойных и довольных лицах жителей. И когда он видит, что цель достигнута, он искренне счастлив. И действительно, глядя на его умиротворенную и спокойную фигуру, я часто задумываюсь: действительно ли ценно то, чем я живу, и не есть ли его искренняя радость – истинное счастье?

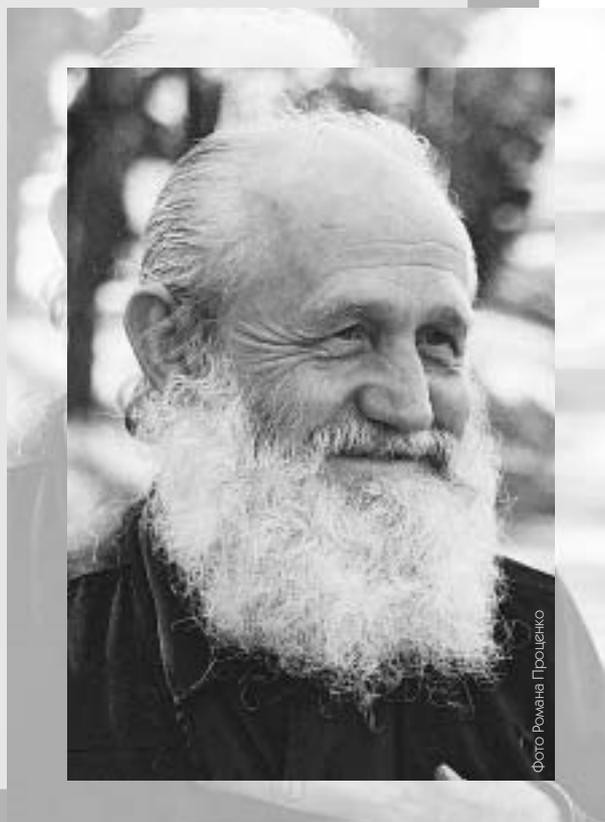


Фото Романа Проценко



МЕНЯ ВСЕГДА ТЯНУЛО

С **ГУСЕВЫМ** Владимиром Александровичем*
 беседовала **Ирина ПШЕНИЧНИКОВА**
 Фото из личного архива

С первого курса уже летали

– Вы – потомственный военный. Кто осуществлял выбор Вашего пути?

– В нашем роду гражданских и не было: отец и братья – военные, дед и прадед – казачьи офицеры. Все мое детство прошло на Кубани. Кубанские казаки вместе с терцами всегда служили на передовой линии границы, где почти постоянно шли боевые действия. Почти все мои дяди погибли еще до войны. Поэтому отец и мать мечтали, чтоб хотя бы я был не военным, а врачом, а я не мыслил себя невоенным. Как я любовался формой старшего брата-курсанта! А с восьмого класса просто заболел авиацией. Меня всегда тянуло в небо. Я стал разбираться в самолетах и, глядя на них

в воздухе, каждый раз думал: «Почему не я там?» Но потом родители переехали в Тульскую область, там я окончил школу и поступил на первый курс Тульского механического института.

– Но как все-таки удалось реализовать Вашу мечту?

– Я решил рискнуть. Знал, что в Ейске есть училище морской авиации, куда я мечтал поступить. Правда, был несколько разочарован, что с 1959 года оно стало готовить летчиков–инженеров, никак с морем не связанных. Так что путь брата не удалось повторить. Поступать же приехало около двух с половиной тысяч человек, а взяли 125! Принимали 18-21-летних, а мне к моменту окончания школы было 16! До сих пор не понимаю, как я прошел комиссию. Может быть, первый курс машиностроительного факультета помог. Родители даже не знали о моих планах. Думали, решил проведать дядю, половить рыбу. Когда узнали, мать расплакалась, отец нахмурился, но потом сказал: «Ну что ж, летчик так летчик». А тогда было время хрущевского «разгона» авиа-

ции, когда все уповали на ракеты. Это, конечно, категорически неправильно: необходимо развивать все компоненты вооруженных сил. Я это говорю не как фанат авиации, хотя очень люблю свою профессию, это моя первая любовь – и на всю жизнь. Отца же успокоили, что из меня в любом случае выйдет хороший, дисциплинированный инженер. Стал я учиться и за четыре года освоил обе профессии: летчика и инженера. Не хочу охаивать современное образование, но, надо сказать, методики, которые применялись тогда, сейчас не применяются. Мой младший сын учится в колледже, четырехгодичный курс которого я бы освоил за год. Наше учебное заведение было закрытым, мы находились на казарменном положении. Подготовка была сбалансированной: теоретическая и физическая. Дня не проходило без упражнений. С весны до осени с первого курса уже летали. Считаю, что нашему послевоенному поколению очень повезло: мы попали на пик развития Вооруженных сил. За время учебы освоили четыре типа самолетов. Мы еще заста-



В НЕБО...

ОБРАЗ ЖИЗНИ



*

**Гусев
Владимир Александрович**

Родился в 1945 году. Военный летчик-снайпер, полковник в отставке. Окончил Ейское ордена Ленина Высшее военное авиационное училище имени В. М. Комарова, Краснознаменную командную Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина.



ли военное поколение: командиры наших полков и эскадрилий прошли Великую Отечественную войну, конфликт в Корее и не понаслышке знали, что такое военное ремесло. Весь период лейтенантского мужания прошел в руках таких боевых командиров. Они к нам относились очень жестко и требовательно, но вместе с тем очень бережно, никогда – жестоко и все-

Тебе не оплатят твой пот и страх

– Почему вы выбрали именно авиацию?

– Мне повезло. Авиация – очень интересный труд. Я очень любил небо. Наверное, тянуло ближе к Богу. Теперь-то я по-

получения благ. Он направлен на выработку умений и навыков вести борьбу вооруженным способом, профессионально воевать, защищать Отечество, близких, свой народ. Поэтому военный не ждет награды за свой труд, а стремится как можно лучше освоить свою профессию, чтобы, когда наступит година испытаний, мог с честью и достоинством выполнить боевую задачу – перебороть противника теми силами и средствами, какие у него есть. Если он это не сделает, то просто погибнет. Но военных учат не только воевать, но и беспрекословно, точно и в срок выполнять приказ. Не бездумный. Почему многие летчики, танкисты, командиры кораблей шли на таран и не боялись

Кто очень любит свою профессию, того Господь особенно хранит.

гда справедливо. Я не помню ни одного случая, чтобы кого-то из курсантов унизили, обидели. Наказания присутствовали, но без унижения человеческого достоинства. То, что сейчас творится в армии, мне чуждо и непонятно. Нас выпустили в войска уже полностью подготовленными к боевым действиям: хоть завтра в бой. Из нашего выпуска почти никто не разбился. И все мои подчиненные остались живы – уже полковники, орденосцы. Сейчас же часто выпускают летчиков, которые ни разу не летали на боевых самолетах.

Ну а девушки – потом!

– Что для вас значило учиться?

– После четырех лет училища, где мы были на казарменном положении и проходили срочную службу, мы попали в строевые части уже как лейтенанты. Жили мы в общежитии, гостинице или на служебных квартирах. Но нам привили привычку рано вставать, каждый день делать зарядку. Не будешь делать – распустишься, а на летном труде здоровье можно запросто потерять. А учеба – это самый тяжелый труд. Есть благодатный труд – вскопать огород, посадить дерево, заниматься столярной работой, где ты сразу видишь плоды. А в учении их не сразу видно, и они даются с преодолением самого себя: не хочу читать, заучивать, а надо. Это требует большого душевного и духовного напряжения. При тренировках тоже не всегда хочется делать то, что необходимо: вовремя вставать, ложиться спать. А зачастую приходится и в 3 ночи вставать, чтобы начать полеты в 7 утра. Летали мы шесть дней в неделю. Хотелось вечером с девушками погулять, а отбой – в 20.00! И в этом ограничение. Сам летный труд тоже отнимает много сил. Надо очень любить свою профессию и небо, чтобы все нагрузки были не в тягость, а как сами собой разумеющиеся.

нимаю, что Он везде. И, наверное, не случайно, пройдя такое сито отбора, я в училище поступил и благополучно его окончил. Хотя были случаи, когда по расчетам я давно

уже должен быть под землей. Но могу сказать: ни разу не был вынужден прыгать с парашютом (кроме тренировок) или катапультиться и всегда садился на свой или на запасной аэродром. Берег меня Господь. Впоследствии, оценивая ситуации как инженер, видел, что не могло быть так, – должен был покинуть самолет или разбиться. Но, думаю, не только я такой. Очевидно, кто очень любит свою профессию, того Господь особенно хранит. А профессию летчика можно любить только бескорыстно. Нельзя ждать, что тебе оплатят сполна твой пот, твой труд, твой страх. Страх тоже присутствует, хотя очень редко, потому что если летчик боится, ему в воздухе делать нечего. Если летчик идет к самолету, как на подвиг, его и близко нельзя допускать к самолету. Это значит, что он не готов. Он должен спокойно идти выполнять свою ратную работу. Хотя у всех бывают ситуации, когда сложно. И если говорят, что таких случаев не было, не верьте. Но я всегда старался вспоминать и делать так, как учили. Очень ценна наука, полученная от живых прототипов героев фильма «В бой идут одни старики». Этот военный опыт лег в тактику, в основу современной военной доктрины.

Надо уметь забывать о себе

– В чем, на Ваш взгляд, особенности труда военного?

– Военный труд – это труд не бесцельный, но и не ради зарабатывания денег,

смерти на поле боя? Потому что приказ превыше всего. Сам воинский уклад, где живут только по уставу, требует специальной подготовки. Надо уметь забывать о себе. Надо помнить, что рядом с тобой твои друзья, без которых ты погибнешь, и ты обязан и их защищать. Допустим, в Афганистане наши никогда не оставляли в тылу врага не только раненого, но и убитого. А вдруг он живой? Притащим, крови вольем – и он придет в себя? Все может быть. В этом особенность и подготовки, и самого ратного труда. Он не за награду, а чтобы и выполнить боевую задачу, и остаться в живых. Но если это необходимо, то без всяких колебаний, в том числе и ценой своей жизни. И когда вопрос стоит так, то чтобы в глазах не темнело, в голове не мутнело и от страха колени не тряслись. Чтобы ты воевал до последнего. Кстати, в училище нас учили бороться за жизнь до тех пор, пока самолет не коснулся земли в плохом смысле этого слова, то есть пока ты не упал и не разбился. Двум смертям не бывать, одной все равно не миновать. Но здоровое чувство страха есть у всех. Если летчик полностью теряет это чувство – жди беды. Везде должна быть здоровая настороженность, предусмотрительность. Командиры просто обязаны об этом думать и в мирное время не направлять летчика на то задание, где он будет рисковать

своей жизнью. В военное время это понятно. Вот особенности ратного летного труда. Исходя из этих целей и задач, летчика воспитывают, начиная от моральной подготовки и заканчивая физической, чтобы он мог выносить любые перегрузки: и длительные полеты, и кислородное голодание, и эмоциональные нагрузки. Мог целый день и летать, и воевать, и ночь не спать. И, конечно же, должен быть стержень всего этого. А он преж-

не это самое главное, а то, что учат беспрекословному подчинению старшему для того, чтобы научиться подчиняться воле Господа. По-другому не придет любовь. Я стараюсь стяжать любовь к Богу, и мне в этом помогает моя профессия. Также священнослужители близки офицерам по чувству долга, ответственности. А мы, миряне, паства, – рядовым, подчиненным. И священники и офицеры нас учат, наставляют, с нас требуют. Связь веры и армии всегда была самой тесной. Вспомним Суворова, Кутузова, Ушакова. Их не могли сбросить со счетов даже в советское время. Как они боролись! А Пересвет и Ослябя? А насколько глубоко верующими были царские генералы! Они верой и надеждой на помощь Божию все свои блестящие победы одер-

надо было верой, надеждой и любовью. А это мы с воинствующим атеизмом утеряли, пытаясь заменять разрозненными любовью к семье, к родине. Но это же и есть вера.

– Что Вы можете сказать о современной ситуации в армии?

– Когда я был курсантом, офицером, всегда гордился и формой, и своей профессией. Выйти замуж за офицера, за летчика было очень престижно. Я считаю, для мужчины нет профессии благороднее, чем военный. Как в фильме «Офицеры»: «Есть такая профессия – Родину защищать». Но, к сожалению, моральная подготовка летного состава, командного состава утеряна. Из-за этого, я считаю, мы потеряли нашу страну. Мне обидно за моих родителей, дедов, погибших на войне. Тогда шли воевать

де всего в таком понятии, как воинский дух. Оно присутствовало еще в советское время. Я тогда еще не смог оценить всей глубины его значения. Надо сказать, что воинские традиции российской армии во многом перешли в советское государство. На склоне своих лет вижу, что ничего бесследно не проходит, и все-таки хорошее отбирается, накапливается в нашей многострадальной Родине. И мы победим, поверьте мне.

– Что лично для Вас было самым трудным?

– Подчиняться. Несмотря на то, что с 17-ти лет в подчинении и прослужил 32 календарных года. Но нас учили с курсантских времен, что для того, чтобы уметь командовать, надо научиться подчиняться. Иначе не будешь иметь никакого морального права командовать. Я осознал это в полной мере, когда сам стал командиром эскадрильи.

– С чем бы Вы могли сравнить труд военного? Где еще можно встретить подобный пример самоотречения и бескорыстного служения?

– И думать не надо – у священнослужителей. Даже системы подготовки и образования у нас очень похожи. Но даже

живали и так своих подчиненных воспитывали.

В армии идет непрерывный процесс обучения и воспитания, точно так же как и у церковнослужителей. И нас, паству, учат и воспитывают одновременно. Ратный труд – это ежедневное обучение. И не только в плане училища, академии. Сколько я потом всевозможных курсов окончил! В войсках – постоянно практика, лётчики. Точно так же христианин, который хочет чего-то достичь в этой жизни, постоянно учится. И я не понимаю, как можно иначе.

Итак, не только во внешнем сходстве дело, а во всем внутреннем укладе, всем духовном стержне. Чем отличается воин от простого гражданского человека? Крепким духом.

Господь нас спасает, не дает потерять веру. Даже в советское время дал нам,

не за веру и царя, но хотя бы за Родину, за Отечество. А Отечество – это святое, значит, здесь Христос. Сейчас идет страшная борьба антихристианских сил, чтобы разрушить нашу веру, не дать россиянам приобщиться к Церкви, к Господу нашему. И так тяжело бороться за это все. Но надо это делать единым фронтом, как во время операции, когда собирают в кулак все силы и средства и подчиняют одному начальнику, и только так можно прорвать оборону. У нас же есть очень много даже неверующих, но просто преданных Родине людей. А каждый патриот, думаю, рано или поздно обязательно придет к вере.

Еще в 80-х годах начались дебаты, рентабельно или нет в мирное время готовить высококлассных военных. Подготовка одного летчика первого класса обходится больше, чем в 1 млн. долларов. Казалось бы, бессмысленная трата. Но



Чтобы уметь командовать, надо научиться подчиняться.

прежде всего в Вооруженных силах, сохранить основу качеств воина, стержень нашей души – дух. На него никто не посмел ополчиться. Наоборот, его поднимали. Это было святое. В то время не осеняли себя крестным знаменем, но понятие святости было. Это не зомбирование, не палочная дисциплина, не страх перед наказанием. Но подпитывать его

армия обеспечивает состояние мира в стране и во всем мире, а это бесценно. Первоочередная задача армии любого государства должна быть оборонительной, это главное. Поэтому, молясь о «Богохранимой стране нашей», мы поминем «власти и воинство ея». Если армия используется, как положено, она является орудием Господа.

СОБОРНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО



Фото Романа Проценко

Я намеревалась задать Нине (имя изменено) небольшое количество вопросов, она сама была настроена только на это, но потом, это как-то само получилось, она рассказала мне всю свою жизнь, с самого детства.

История ее становления монахиней удивительна тем, что свой духовный путь Нина проделала сама, без чьей-либо видимой помощи. В ее жизни не было какого-то потрясения или момента резкого осознания своей греховности, не было разочарования и отчаяния. Началось все с того, что Нина с подругой зашли в церковь для того, чтобы посмотреть на архитектуру, иконопись. Нине понравилось, и она начала ходить по другим церквям. Ее подруга, узнав, что Нина некрещеная, предложила ей креститься. Лишь после этого Нина начала вдумываться в глубокий смысл того, что с ней произошло. На тот момент она была студенткой одного из петербургских вузов, вела активную студенческую жизнь, ходила в кино, на танцы, вечеринки, в гости. Постепенно, по мере того как она постигала тайну православной веры, ее интересы начали меняться. Она не осуждала образ жизни своих друзей, не разграничивала мир на «они» и «я». Она просто понимала, что в ней что-то поменялось, что она носит в себе какое-то откровение, за которое теперь ответственна. Она стала по-

Но необходимо пояснить, что представляет собой ежедневная жизнь в монастыре. Это подъем в 5 часов утра, литургия, 10-15 часов работы, прерываемых приемами пищи, всенощная и отбой в 23. Трудовой день очень тяжелый, времени на сон – не больше 7 часов. Работы много, и главное ее свойство – она нескончаема. Это, как правило, работа по хозяйству: уборка в храме и монастырских помещениях, уход за церковной утварью, приготовление пищи и выпекание просфор. При монастыре содержится дополнительное хозяйство: скотный двор, пекарня, теплицы, швейный цех. Работниками являются сами трудницы, послушники и монахини. Нина сказала, что никогда в бытность ее трудницей она не выполняла столько работы, сколько выполняет, став послушницей. Но монастырь – это не только место работы, это еще и семья, в которой живут все монахини. И как в семье случаются какие-то споры, возникают разногласия, так и в монастыре. И само приспособление к такой семейной жизни, к членам этой семьи – это опять-таки усилия, работа над собой; преодоление в себе каких-то недостатков, подавление всплесков эмоций – это еже-

Беседовала
Диана РОМАНОВСКАЯ

Я ПЛАЧУ ОТ СЧАСТЬЯ

Наблюдая издали за жизнью монахинь одного монастыря, я часто говорила своей подруге: «Вот если вдруг моя жизнь не сложится – уйду в монастырь». Она отвечала на это, что в монастырь идут не «от чего-то», а «для чего-то». Но я спорила, приводила в пример произведения русской художественной литературы, где монахами и монахинями становятся герои, у которых не сложилась личная или разрушилась семейная жизнь, преступники, не имеющие другого выхода. Но в этих произведениях ничего не говорится о жизни уже за стенами монастыря, поэтому у меня сложилось довольно романтическое представление о монашеской жизни. Примерно такое: монахи на рассвете молятся у себя в кельях или совместно, выполняют какую-то работу по хозяйству, читают духовную литературу и предаются бесконечным размышлениям о вечном. И я решила выяснить, что же это все-таки на самом деле.

Девушка, с которой мне удалось побеседовать, была еще не монахиней, а послушницей. Постриг произошел через 10 дней после нашего разговора, который поменял мое представление о монашеской жизни и о пути к ней, если не в корне, то довольно основательно.

другому одеваться, не так часто встречаться с друзьями, больше времени посвящать учебе и чтению духовной литературы, записалась в воскресную школу. Она не думала о том, чтобы стать монахиней, но когда однажды ей предложили потрудиться на благо Новодевичьего монастыря в Петербурге (место и название изменены), она согласилась.

В монастыре было по-настоящему тяжело, угнетали отсутствие свободного времени, постоянная работа, надзор. Не было времени даже подумать о чем-то, не касающемся работы и молитвы. Так она провела несколько месяцев, и когда появилась первая возможность «улизнуть», она поспешила ею воспользоваться. Но радость, которую она получила от «освобождения», была недолговременна. Вернувшись к мирской жизни, Нина почувствовала: за время пребывания, пускай и нелегкого, в монастыре в ней изменилось главное – духовный мир и духовные потребности. Ей буквально не хватало кислорода, Нина рвалась обратно. Вернувшись в монастырь, она была принята в послушницы. Собственно говоря, именно с этого момента началась ее почти монашеская жизнь.

дневный труд. Нина сказала, что были случаи, когда девушки, уже став послушницами, буквально убегали из монастыря, не выдержав такой нагрузки. Единственное и основное, что по-настоящему поддерживает всех живущих в монастыре, – это молитва. Молитва, не только совместно совершенная, например во время литургии, а непрестанно творимая в душе и сердце. Нина уже не думает про себя: «Сейчас нужно помолиться». Она говорит, что не знает, когда и как это произошло, но молитва стала жить в ней своей самостоятельной жизнью.

Все это очень сложно, если не невозможно, понять, живя в миру. Все время нашего разговора я пыталась встать на место Нины и почувствовать то, что чувствует она и как смотрит на то, что ее окружает. Мне это не удалось, но я поняла одно: то, что носит в себе Нина, – особенно. Не случайно монахов на Руси называют иноками, то есть иными, инаковыми. Я не удержалась и чисто по-мирски спросила, счастлива ли она. Нина заплакала. Я раскаялась в том, что задала этот вопрос, подумав, что задела ее за живое. Но она сказала: «Я плачу от счастья и каждому желаю, чтобы он почувствовал то, что чувствую я сейчас».



Блаженной памяти старец Паисий святогорец

СЛОВА. Том IV. Семейная жизнь.

Рбота – это здоровье, особенно для человека молодого. Ведь если, имея силы и голову, юноша не работает, то он расслабляется, становится вялым и дряблым. А если при этом он еще и видит, что другие преуспевают, то он запутывается в собственном эгоизме и ничему не радуется. Он постоянно имеет помыслы, и его ум словно забит соломой. Потом к нему идет диавол и начинает нашептывать: «Несчастный, какой же ты бездарь! Один твой сверстник стал преподавателем, другой открыл собственное дело и зарабатывает деньги, а до чего дойдешь ты?» Таким образом диавол ввергает этого человека в отчаяние. Но **если юноша начнет работать, то приобретет доверие к себе** – в добром смысле этого слова. Он увидит, что тоже сможет справиться с трудностями, но, кроме этого, и его голова будет занята работой, и у него не останется времени на помыслы. То есть польза будет двояной.

Многие люди мучаются из-за того, что им не удастся прославиться суетными славами или обогатиться суетными вещами. Они не задумываются о том, что от всех этих слав и богатств в жизни иной – то есть в жизни настоящей – не будет никакого толка. Да ведь и перенести-то их в ту иную, настоящую, жизнь будет нельзя. Туда мы перенесем только те из наших дел, с помощью которых здесь, на земле, получим соответствующий «заграничный паспорт» для предстоящего нам великого и вечного путешествия.

– *Геронда, если во время работы человек испытывает беспокойство, то в чем причина этого?*

– Может быть, он не относится к своей работе с добрыми помыслами? Если он относится к своему труду правильно, то работа, какой бы она ни была, будет для него праздником, торжеством.

Подготовила **Полина САДОВНИКОВА**,
19 лет, студентка 2 курса МХПИ



Фото Светланы Филимоновой

НОВЫЙ АФОН

Сами абхазы называют свою землю Апсны, что означает «Страна души». Располагается она на восточном побережье Черного моря, на южных отрогах Главного Кавказского хребта. Каких только завоевателей не видели эти благословенные бере-



га. Развалины старых крепостей – свидетели давней истории. Много достопримечательных мест можно увидеть в Абхазии. Одним из них является Новый Афон. Это древнее место, в прошлом Анакопия – столица абхазского царства, было заселено в XIX в. монахами с Афона. Монахи русского Пантелеймонова монастыря принесли сюда и афонские порядки. Их огромными трудами в короткие сроки был отстроен монастырь, создано хозяйство, полностью обеспечившее жизнь монастыря. Близлежащие холмы представляют собой сплошные лимонные, апельсиновые, мандариновые, маслиновые рощи и кипарисовые аллеи. В прибрежной зоне растут пальмы, лавры, магнолии, бананы, олеандры, эвкалипты.

Как добраться

Поездом до Адлера. Оттуда на маршрутке до границы. Перейти границу (десять – пятнадцать минут) в общем-то формальность. Визы и загранпаспорта не нужны, только обычный российский паспорт. От границы также ходят рейсовые маршрутки до Гагр, Нового Афона и т.д. Также можно добираться на сухумском поезде, который правда ходит не часто.

Что посмотреть

Конечно сам Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь с действующим храмом святого великомученика Пантелеимона. Пещера Симона Кананита. Древний храм св. апостола Симона Кананита (VI в.), рядом с живописным водопадом. Там же неподалеку находится железная дорога, проложенная монахами в горах, и станция, напоминающая издалека экзотическую беседку. Знаменитые новоафонские пещеры, обнаруженные в 1961 г. На вершине Иверской горы сохранились руины древней крепости (IV-XI в.) и храма.

Подробнее...

- http://www.kolhida.ru/index.php3?path=photo&source=na_monastir
- <http://dpashka.narod.ru/monastir2.html>
- [http://www.christian-spirit.ru/v13/13.\(4\).htm](http://www.christian-spirit.ru/v13/13.(4).htm)
- <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-5eb8c3c452421180a43a8b1cec9e062e.html>
- <http://www.apsny.ru/religion/religion.php?page=content/christ/orthodox.htm>



?

Если бы у этого паренька и правда одни «пузырьки» были в голове, разве бы он выбрал службу подводника? И разве пошел бы в мореходку в год гибели «Курска»?..

Иногда кажется, что мы чего-то самого главного не понимаем в наших детях.

Возвращался недавно поездом с Урала. Моим соседом по купе оказался бывший морской офицер, служивший на Камчатке. Еще и сорока нет, но уже во многом успел разочароваться. Долго рассказывал, как трудно было уволиться на гражданку: «Хватит, пора и для себя пожить...»
Спрашиваю: «Кто же там, на Камчатке, вместо тебя остался?» – «Да прислали молодого – одни пузырьки в голове от кока-колы...»

Автор:
Дмитрий ШЕВАРОВ
г. Долгопрудный

Вы заметили, как у наших министров при слове «дети» каменеют лица? Видно, какая мучительная работа идет в мозгах: со стариками разобрались, они скоро уйдут, а вот что делать с детьми?



Фото: Олег Власкин

ПУЗЫРЬКИ В ГОЛОВЕ, ИЛИ НЕ РЕВИ, ЗАРАЗА

А мне вдруг стало так обидно за того парнишку, приехавшего служить на дальневосточную военно-морскую базу. Если бы у него и правда одни «пузырьки» были в голове, разве бы он выбрал службу подводника? И разве пошел бы в мореходку в год гибели «Курска»?..

Мне вспомнился Никита – мальчишка из маленького городка на Волге. Мы давно знакомы. Когда-то я приезжал в этот город в командировку. В семье еще двое старших детей. И как мать их одна тянет, работая кас-

сиршей в местном музее? Пишет мне о младшем: «С Никитой сейчас труднее всего, характер взрывной. На него сейчас свалилась вся мужская работа по дому. Но учится хорошо: четыре четверки, остальные пятерки. Хочет поступать в суворовское училище, еще зимой принял решение поступать и готовиться. А мне не хочется его отпускать, ведь ему летом будет только четырнадцать. Да и трудно поступить. Говорят, многие за деньги поступают. Вот и не знаю, как мне быть...»

До сих пор киноведы ломают головы: как

это полугодный алтайский парнишка Вася Шукшин, толком и сельской школы не окончивший, с первого захода поступил в элитнейший ВГИК? Почему он в считанные годы стал выдающимся кинорежиссером и актером, брал призы на Венецианском и прочих фестивалях, да при этом еще такие книги писал, что и сейчас – мороз по коже?..

В одном из писем Василия Макаровича есть ясный ответ на все эти «как» и «почему». В 1974 году он пишет маме, Марии Сергеевне, о своих дочках Маше и Оле: «...Дети пре-



красные, я верю в них – и надо показывать, что мы им во всем верим и, кстати, в этом только наша надежда – в вере, больше нам надеяться не на что. Верь, как ты в меня верила. Я эту твою веру всегда чувствовал, боялся не оправдать твои надежды, это придавало мне сил. А сил мне требовалось много, приходилось душу в кулаке держать, но меня подталкивало вперед – то как раз, что я не мог подвести тебя. Вот такая сила веры и надежды, если ребенок ее чувствует. Это большая сила...»

Сегодня дети чувствуют совсем другую силу – силу нашего угрюмого осуждения. Мы чего-то главного не понимаем в них, да и не пытаемся понять. Ждем от них почему-то только плохого и, сталкиваясь с этим плохим, с готовностью гневаемся: «Я как чувствовал!..», «Ну, я так и знала!..», «Чего еще от тебя ждать!..» Хорошее же мы часто не замечаем, и оно тает, не находя опоры.

Самое тяжелое испытание для нынешних подростков – это то, что самые близкие люди часто в них не верят. Только и слышишь: «дикие», «тупые», «работать не хотят», «от армии бегают», «ничего святого»... И как тут

не согласиться, как не подсыпать в костер осуждения своих примеров.

А ведь если хоть немного задуматься, то это поразительно: острое нашего осуждения направлено на то поколение, которое ну ничем еще не успело провиниться. Не оно изменяло присяге, растаскивало народное добро, продавало государственные секреты, закрывало школы и детсады, отключало электричество в больницах и на военных объектах, оставляло солдат в окружении...

И это не подростки и не молодежь создали пошлое телевидение, желтую прессу и наркопритоны. Не они получают доходы от игровых автоматов и казино. Все эти страшные искушения придумали и обрушили на детей люди весьма почтенного возраста.

И вот эти солидные дяди, политкорректные и импозантные, при виде подростков, посмевших оказаться рядом с их лимузином, мгновенно теряют самообладание и изрыгают такие проклятия, которые не всякий старый лагерник слышал.

мочку что-нибудь патриотическое, потребовать в Думе отмены всех отсрочек от призыва. Из русской обездоленной деревни эти дяди выбирают последних мальчишек, чтобы те стерегли границы, насквозь дырявые по милости разбогатевших «тружеников тыла».

Так и у кого же, скажите, пузырьки в голове?

Вы заметили, как у министров российского правительства при слове «дети» каменеют лица? Видно, какая мучительная работа идет в мозгах: со стариками разобрались, они скоро уйдут, а вот что делать с детьми? Милейший министр здравоохранения и социального развития, застенчиво клоня голову к бумагам, вносит предложение: упразднить детских врачей, а там и всю педиатрию.

Кажется, от одного обнародования таких планов страна должна взорваться. (Тем более после Беслана, после недавней трагедии с красноярскими детьми!) Но вот катнули через прессу пробный шар про реформу детского здравоохранения – народ молчит. Ни-

Острые нашего осуждения направлено на то поколение, которое ничем еще не успело провиниться.



Для них пацан-лимоновец, попытавшийся прорваться в казенное учреждение, страшнее агента ЦРУ. Мальчишке, нарушившему господский покой на даче, могут запросто найти место за решеткой. А Басаев пусть бегаёт, ведь он на Рублёвку не заглядывает.

Упитанные дяди, по большей части ускользнувшие от армии еще в советские времена, сейчас любят побаловаться оружием, нацепить погоны с большими звездами, сказать под рю-

каких возмущений. Даже на кухнях. Один доктор Рошаль против.

Зато на весь двор через открытые окна слышно: «Урод, я тебе что сказала?! Молоко на губах не обсохло!.. Не реви, зараза!..»

Отчего же мы так упоительно храбры и бескомпромиссны до жестокости с самыми близкими людьми? А при этом к власти, оказавшейся в бесчувствии, мы снисходительны, почти жалостливы, как к беспомощной старушке. Мы не находим порой капли великодушия, чтобы простить собственного ребенка, а власти легко спускаем не только ошибки, но и преступления.

Что же с нами происходит?



Фото: Александра Степанова

Самое тяжелое испытание для нынешних подростков – это то, что самые близкие люди часто в них не верят.

* * *

Около дома, где я живу, есть маленький заброшенный парк. Когда-то он был частью большой усадьбы. Во время войны здесь разместили госпиталь. С тех пор в парке остался одинокий обелиск в память об умершем от ран танкисте. За несколько дней до 9 мая я шел вечером мимо парка, вижу: у памятника погибшему танкисту возятся дети, совсем малыши. Решил подойти поближе, сказать, что негоже играть на могиле.

Подошел и вижу с изумлением, что дети убирают слежавшуюся прошлогоднюю листву, выбирают из первой травы окурки и пивные пробки, чистят ладонками запылившуюся гранитную плиту. И делают все это так дружно и азартно, что я тут же попросился в эту кампанию. Меня радостно приняли, и я стал из брошенных веток вязать что-то вроде метелки. При этом я не сомневался, что дети работают под началом взрослых, хлопотавших вдали у костра. Похоже было, что там сгребают и жгут мусор. Вслух я посетовал: «Такое хорошее дело вам поручили, а ни лопаток, ни грабелек не дали...»

«А нам никто не поручал, мы сами!» – сказал сероглазый Сережа, разговорчивый и открытый мальчишка шести с половиной лет.

Его младший брат Андрюшка добавил: «Спасибо, что вы нам помогаете, а то все взрослые мимо идут...»

А взрослые, и правда, шли мимо нас с собаками.

Сережа взял у меня метелку и стал выметать окурки. Убравшись в оградке, мы присели на корточки у обелиска и стали разбирать еле видную надпись на плите. «Герой Советского Союза командир танка лейтенант Николай Кретов. 1909-1942. В сражении под Ковельском получил одиннадцать серьезных ранений...»

Заговорили о войне. Семилетняя тихая Леночка вспомнила, что о Великой Отечественной ей рассказывала бабушка, которая была тогда маленькой. Сережа, насупившись, сказал: «Сейчас тоже война. Терактами нас бомбят...»

Андрюшка достал из кармана нож вроде финки и погрозил невидимым врагам. Я прямо вздрогнул, но нож оказался пластмассовым. Сделан лихо – в двух шагах не поймешь – настоящий он или нет.

Тут от группы взрослых отделилась молодая женщина. Помахивая бутылкой пива, она неуверенной походкой направилась к нам. «Мама!» – обрадовались Сережа и Андрюша.

Когда она подошла поближе, Сережа похвастался: «Нам дядя помогает!»

«Хорошие у вас дети», – сказал я. Женщина улыбнулась и потрепала по голове прильнувшего к ней Андрюшу. «А мы тут отдыхаем, – она махнула рукой в сторону костра, – шашлычок, то-се... Не хотите выпить с нами?»

Я отказался. Женщина одобрительно кивнула: «Правильно... А я вот еще и курю. Выхожу на балкон покурить и думаю: что же я делаю?... А ведь когда-то в церковь ходила, Андрюшку вон вымолила. Они у меня крещенные. У Сережки, правда, крестик потерялся недавно. В кино пошли и он его там обронил. Я его дома так лупила, так лупила...»

«За что?» не выдержал я.

«Так это же крестильный крест, вот и лупила».

Сережа, слушая этот разговор, будто испугался, что я собираюсь ругать его маму, и горячо бросился на защиту: «Дяденька! Она на работе устает... такая нервная... вот и била. Потом мы побежали с ней в кино, а крестик лежит на полу – точненько в том месте, где я его потерял... Вот он, дяденька...»

Сережа запустил руку за пазуху, раскрыл сжатый кулачок – на ладони лежал маленький крестик. В луче заходящего солнца блеснули два слова: «Спаси и сохрани».



Автор: Елена КОТОВСКАЯ

Что такое труд общественный, я думаю, понятно всем. Под домашним трудом обычно подразумеваются уборка-стирка-готовка плюс уход за детьми. Раньше женщины занимались в основном трудом домашним. Теперь занимаются в основном трудом общественным.



Я из ваших, я творческий человек, а не в халате и тапочках!

чит, трудишься. Язык не обманешь. (Между прочим, социологи давно уже утверждают, что домашний труд по трудозатратам и по мере ответственности вполне равнозначен настоящей «мужской» работе: не собачек же растим – людей!) Но я не об этом.

А о том я, собственно, что перед православной женщиной, вступающей в брак, подобная дилемма «работы – сидения» рано или поздно встает. Счастливы те, которые благополучно минуют эту проблему и целиком и полностью посвящают себя семье и детям. Остальные же тихо мучаются: ну вот родился один ребенок, ну вот подросток, может быть, пора немного «поработать»? Когда рождается второй, желание «поработать», пожалуй, еще более усиливается, однако в перспективе третьего и последующих деток невольно задаешь себе вопрос: а кому и для чего нужна такая вымученная деятельность, когда и дома хлопот, что называется, хватает?

ДОМА ЗАСЕСТЬ



С другой же стороны, никакой гарантии рождения последующих детей, при нашем хилом здоровье, нет, а квалификация от долгого «сидения» теряется быстро. Вот и ты теряешься в догадках: то ли дома «засесть», то ли «в люди пойти»?

А тут и друзья-интеллектуалы жалеют и советуют: нет, нельзя себя запускать, нужно обязательно работать, обязательно. Конечно, весьма заманчиво поручить чадо няне, а самой отправиться в какой-нибудь научный институт на «гранты» – статьи писать (или в «офис» – бумажки и товары передвигать – кому как нравится). Конечно, соблазнительно потом эти статьи преобразовать в ДОКЛАД и поездить с ним по всяким конференциям в пределах (а еще лучше за пределами) нашей необъятной страны. И почет тебе, и развлечения, и полный интеллектуализм. Конечно, поприятнее будет, чем в тапочках кашу мешать. Да вот только беда: детей жалко. Наемный человек есть все-таки наемный человек, к тому же Арины Родионовны что-то не густо водятся. И уж если сама мать порой тяготится капризами и нытьем собственного ребенка, то что уж тут говорить о чужом человеке! Да и не хочется как-то, чтобы чужой человек формировал твоего родного малыша.

Идеальным в этом отношении могут быть «пол ставки» или периодическая работа, когда и себя «стонизировать» можно (большинство женщин, если уж говорить без лукавства, именно за этим и «выходят на работу»), и

Между прочим, в обыденной речи все это звучит немного иначе, и этот нюанс как раз и высвечивает существующую в обществе разницу отношения к первому и второму видам труда. Как мы обычно говорим или спрашиваем про женщину: «работает» она, или «сидит дома»? Так и меня недавно спросили об этом в паспортном столе и на мой ответ «В декрете» уточнили: «Ну вы то есть, в принципе, работаете?» На что меня так и подмывало ответить, что я «в принципе» работаю с утра до вечера (а временами и в ночную смену) в уходе по дому и по деткам. Но это в нашем обществе работой не считается. Раз «сидишь дома» – значит, сидишь. А если сидишь в офисе – зна-

семье большого ущерба не нанести. Однако такая работа все же редкость.

А тогда что же все-таки делать с двумя высшими образованиями и научными степенями? Пропадай все пропадом в «домашней тряпине»? (То, что деткам моим маленьким не мое к. и. н., то бишь ученая степень, а «му-му и бе-бе» пока требуется, у меня сомнений не вызывает, а вот то, что, уложив деток спать, я не уборкой-готовкой частенько занимаюсь, а вумные книжки по старой памяти продолжаю почитать, — это вызывает муки совести. Или вымучивать из себя научную деятельность, лезть в какие-нибудь «Живые Журналы»: мол, я тоже! — я из ваших (а не в халате и тапочках!), я творческий человек! Да нет, как-то неестественно это. Нет здесь органики, и не творчество это.

А творчества, между прочим, видимо-невидимо в собственном доме (со временем начинаешь понимать). Не в смысле «заниматься с детьми по системе Монтессори», играть в «развивающие игры» и т. д., чем обычно определяют поле творческой деятельности для мамы и киндера специализированные журналы. А в смысле построения Дома с большой буквы (не люблю пафосности, но тут, пожалуй, не обойтись).



функцию на себя берет папа, а мама отдыхает — кофе пьет.

Если взять совсем высоко, то выстраивание Дома — это еще и выстраивание внутренних взаимоотношений. Меня в свое время поразило, что в семье последнего нашего императора мать с отцом ни разу(!) не повысили голоса друг на друга при детях.

ИЛИ В ЛЮДИ ПОЙТИ?

Что значит построение Дома? А много чего значит. Ну, во-первых (чего уж стесняться?), обустройство быта не в эфирных пространствах ведь живем. Здесь, между прочим, требуется немалое количество ума и сообразительности: выращивание уюта, соотношение вещей со стилем, характером и особенностями хозяев, соотношение со всем этим вместе взятым ежедневных, еженедельных и генеральных уборок (в чем тоже надо руку порядочно набить, чтобы достигнуть виртуозности), да и, кстати, выкручивание и балансировка между сладкими грезами и предпочтениями вкуса и суровой денежной реальностью семейного бюджета — чем не поле для творчества? Теперь возьмем выше — созидание в Доме Уклада.

С этим редкостным зверьком сегодня особенно много проблем. Вот раньше существовал особый уклад в дворянских семьях, особый — в купеческих, особый — в крестьянских. И каждый был по-своему красив и уместен. А в советское время — что? С утра в воскресенье — сперва «Будильник», потом «АБВГДейка», потом — «Отзовитесь, горнисты», потом — «Утренняя почта» вприкуску с чаем, а там, глядишь, и день прошел. (Сегодня у многих — то же самое, только названия передач поменялись.) Понятно, что в православных семьях так быть не может. Вот и приходится выстраивать все с нуля: утренняя и вечерняя молитвы (с детьми, я скажу, — штука особая), семейные праздники, да то же проведение воскресного дня —



Понятно, что они были избавлены от бытовых попечений, понятно, что это люди святые, и все же это не оправдание тому, до какой степени порой не вовремя высунувшийся из-под кровати грязный мужнин носок может возмутить внутрисемейное спокойствие — при детях, что печальнее всего. Так что в этой области поле для творчества и всевозможных аскетических упражнений поистине необъятное. Говорю это без всякой иронии.

Так что есть, пожалуй, чем заняться и современной городской женщине, пока она «сидит дома», и есть куда приложить свои неистраченные творческие силы.

у нас, например, все никак «чинный воскресный обед» не наладится. Сперва все голодные после церкви у меня из-под ножа сыр-колбасу таскают, а потом нахватавшиеся дети начинают не чинно обедать, а бесчинно буйнить, и приходится их под мышку — и из-за стола. У нас по устоявшейся семейной традиции эту





Фото Светланы Филимоновой

«**С**молит, смотрит Иван Тимофеевич. Без единого слова спрашивает: «Неужели ты в ожидании, неизменная моя Ефросиньюшка?» – и она отвечает молчанием, отвечает взором потупленным, еле-еле заметным киванием...»

Автор: Матушка ЕЛЕНА

Так начинается былинное жизнеописание Ильи Муромца. Как красиво умели говорить о красивом. А ведь действительно – ожидание ребенка для женщины – это ее расцвет. Девять месяцев – прекрасная пора. Для меня она всегда окутана таинственностью. Мой разум не вмещает того чуда сотворения Богу, когда во мне вдруг зарождается новая, ни на кого не похожая, жизнь. Она так мала и хрупка, что не может обойтись без меня.

Не правильно называть беременную будущей мамой – она ею уже является. Для ребенка это пока единственный близкий человек, несущий ему не только все необходимые питательные вещества, но и уют, тепло, безопасность. Будучи тесно связан с матерью, он тонко чувствует каждый ее шаг, каждое ощущение. Она должна не только

но даже спасает ребенка, его и мамино будущее здоровье. Раньше женщине это было не нужно, поскольку и здоровье было другое, и экология. И жизнь была проще – без самолетов, всяких там развлечений, без огромного количества таблеток и медицинских центров. А сейчас во всем этом надо суметь разобраться и грамотно применить для ребенка и для себя.

Изменился мир – изменилось название. Теперь состояние беременности называется «интересным положением». Положение современной беременной в обществе действительно интересное. Часто оно не вызывает ни уважения, ни понимания, ни соучастия. Когда я ждала своего первого ребенка, я писала диплом и ездила на метро каждый день. Мне уступили место ровно два раза. Причем второй раз – когда мы

ли. Было поверье, что никто не сможет причинить вреда человеку, пока не найдет его пуповину. Да и на востоке, где всегда был распространен танец живота, хозяин дома выпускал на люди с голым пупком только тех женщин, которые услуждали гостей, которых можно подарить, продать. И никогда своих жен.

Согласитесь, что следить за своим внутренним состоянием так строго в течение девяти месяцев очень сложно. Но каждая мама должна помнить, что именно становясь матерью, она сама перестает быть ребенком. Потому что начинает нести ответственность за другую жизнь, которую вверил ей Господь. Это сложно и требует постоянного принесения в жертву своих интересов, привычек, вкусов. Но только жертвенная любовь – настоящая любовь.

НЕПРАЗДНАЯ ЖЕНА

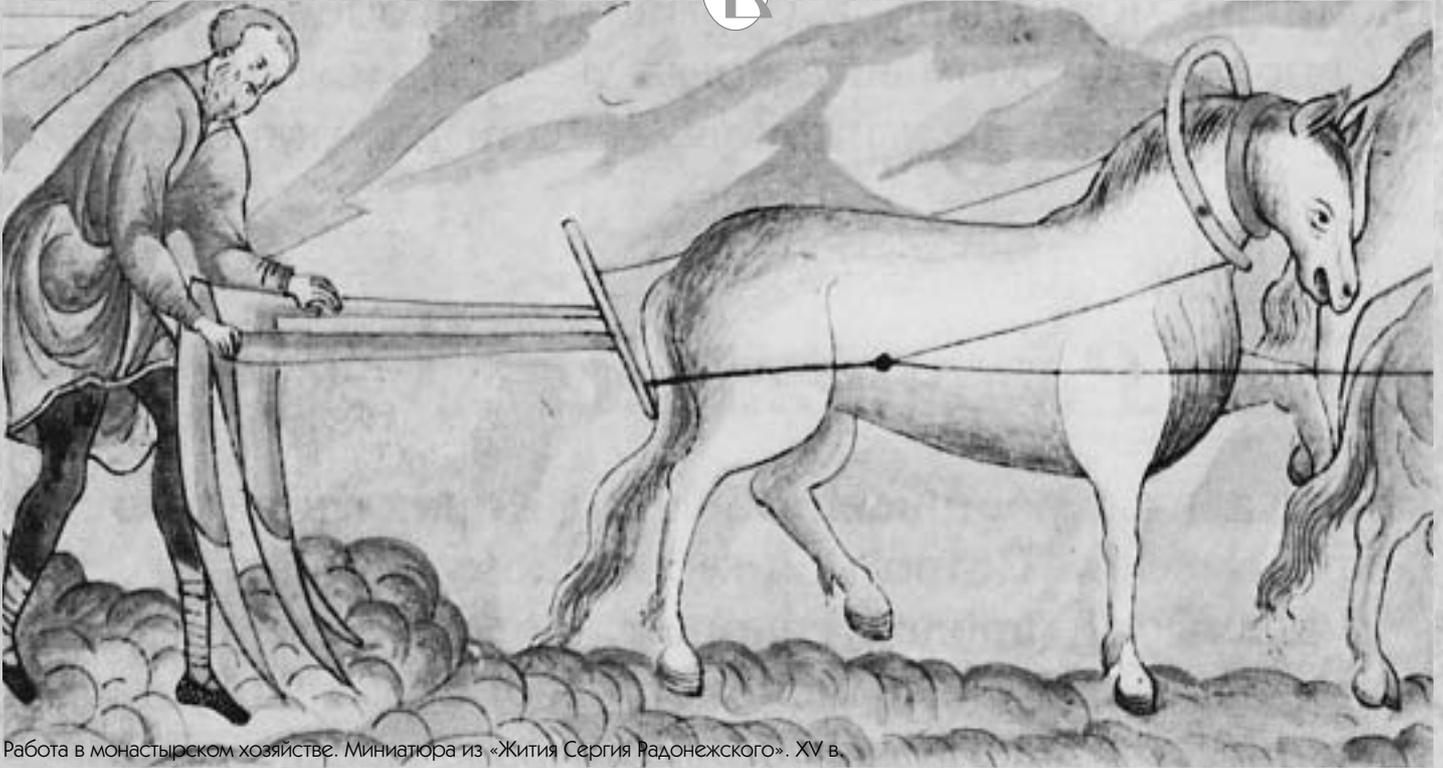
любить своего малыша, но еще понимать, что ее состояние, не только физическое, но и эмоциональное, духовное, дублируется крошечным существом. Давно известно, что ребенок вместе с матерью и радуется, и боится, и волнуется, и сердится. Но он еще мал и беззащитен. Поэтому внутренний настрой матери может оставить глубокий отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Женщина, ждущая ребенка, должна постоянно помнить о нем, думать о том, что может помочь, а что навредить ему. Часто приходится лишать себя многих любимых блюд из своего меню и, наоборот, вводить то, что раньше «ненавидела». Но что не сделаешь ради своего крошки. А кто этого не понимает, советую взять на себя труд почитать умные книжки. Вообще, обладание информацией в вопросе вынашивания ребенка необходимо. На мой взгляд, современная женщина обязана знать, что и как с ней происходит. Часто это не только помогает,

с мужем ехали в роддом и роды уже начались. Это очень грустно. Потому что беременность, как таинство, должно вызывать благоговение. Но вместо этого чаще встречаешь в глазах удивление, недоумение, насмешку и очень редко – восторг. Поэтому многие беременные, к сожалению, часто стесняются своего положения и стараются его скрыть.

Хотя, для женской природы это более естественно, чем выставлять свой беременный живот обнаженным на всеобщее обозрение. Такое появилось прошлым летом. И, видимо, является следствием этой ужасной моды на голые «пупки». Немногие, наверное, задумываются над этим. А ведь пупок – это то место, которое соединяло ребенка в утробе с этим миром, с жизнью, а через мать со всеми своими предками. Это настолько интимно и даже сакрально, что на Руси отвалившуюся у новорожденного пуповину или закарпывали, или очень тщательно прятали.

Не правильно поступают родственники и друзья, окружая беременную охами и ахами, относясь к ней, как к больной. Это только в медицинской карте беременность является диагнозом. На самом деле – это не болезнь, но настоящий труд. И духовный, и физический. Попробуйте постоянно, и днем, и ночью, носить с собой 10-15 килограммов груза (это примерно ведро воды). Такая нагрузка никакому спортсмену не снилась. Зато она сродни веригам. Поэтому ей конечно нужна помощь и сорадование, а не сочувствие. Да и если вдуматься в значение слов. Беременная – обремененная, та, которая несет бремя. Это то самое бремя, на которое женщину благословил Господь, через которое она спасется. И недаром это трудно. В славянском языке непраздной (не отдыхающей, не бездельничающей) названа именно беременная женщина. А не та, которая пашет или сеет, пишет докторскую или летает в космос.



Работа в монастырском хозяйстве. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». XV в.

Бедовали:
Василий ПИЧУГИН
Ирина ПШЕНИЧНИКОВА

ТРУД И ЧУДО

Взглянув на богатейшую историю России, на ее суровый климат и одновременно на все то, что нас окружает – на бесчисленное множество прекрасных городов и сел, возделанные поля, гигантские заводы, – окинув стремительным взором – если это только возможно! – всю сокровищницу русской культуры, начиная от «Слова о полку Игореве» до великолепных образцов искусства 20 века, даже неискушенный человек будет поражен силой, талантом и трудолюбием русского народа. Природа ли помогла нашим предкам создать все это, природа ли помогала им жить и выживать так, как она помогает жить без особых усилий людям в теплом климате и на берегах ласковых морей? Природа помогала нам лишь в том смысле, что делала нас сильнее, учила нас непрестанно работать и напрягать свой ум и волю. Все, что мы имеем сегодня, это не подарок природы и судьбы. Это плод труда и таланта миллионов людей, это плод их великой любви к своей Родине!



Борисов *
Николай Сергеевич
Доктор исторических наук.
Профессор МГУ им.
М.В. Ломоносова Современный классик отечественной и мировой историографии. Автор книг «Иван Калита», «Иван III».

– Николай Сергеевич, как, на Ваш взгляд, в русской истории соотносятся труд и чудо?

– Труд – понятие, с одной стороны, физическое, с другой – нравственное. И когда смотришь на наших старых правителей, подвижников, то видишь, что вся их жизнь – это одновременно и огромное напряжение физических сил, и постоянный духовный труд. Безусловно, здесь есть взаимосвязь. Физический осмысленный труд, когда, например, Преподобный Сергий Радонежский копает огород, – это труд очищающий, который приближает человека к основам жизни и в то же время к основам христианства. «Не трудящийся да не ест», как говорит апостол. Кроме того, труд такого человека, как игумен Сергий, который по своему положению в иерархии мог бы и не трудиться, – это не просто работа, а символический труд, который приближает его к народу, к тем «трудящимся и обремененным», о которых говорит Спаситель.

– Вы говорите о символизме труда. Как должен трудиться правитель, чтобы быть понятным народу?

– Этот вопрос очень тонкий. Тут главное – чувство меры. Символика не должна превращаться в фарс. В этой связи я вспоминаю рецензию академика М. Н. Тихомирова на сценарий фильма «Алек-

сандр Невский». Его авторы, желая показать о близости князя к народу, представили, как он вместе с рыбаками вытаскивает сети из Переяславского озера и, отирая пот с лица, принимает гонцов с важными политическими новостями. Тихомиров писал, что князь ни при каких условиях не мог этим заниматься. Упрощенно понимать такой труд не нужно: правитель есть правитель, а полководец – полководец и у каждого свой труд. В средневековом обществе существовал определенный стиль поведения, зависевший от социального статуса человека. Один должен был работать, другой – командовать, третий – писать иконы и т. д. Но, с другой стороны, несомненно были те или иные ритуальные трудовые действия, которые совершались правителем как знак того, что он соединяется со своим народом, со своей землей. К сожалению, в источниках об этом очень мало сведений. Мне кажется убедительной трактовка Скрынниковым летописного эпизода, как Иван Грозный в юности пахал пашню в Коломне, пока войска собирались в очередной поход против татар. В этом была символика: раз сам Государь зачинает пахоту, значит, должен быть добрый урожай. Такие вещи, думаю, были всегда, но они очень сокровенны, и сведения о них приходится собирать по крупицам. Не знаю даже, насколько они были церковно-ритуальны, а насколько традиционно-ритуальны.

– Есть известный образ Симона Ушакова «древо государства Российского». В основании находится икона Владимирской Божией Матери и изображены два человека: святитель Петр, Митрополит Московский, и Иван Калита, которые возвращают это древо. В Вашей книге, посвященной Ивану Калите, этот процесс показан. Не могли бы Вы кратко сформулировать, в чем состоит это искусство «возвращения» государства и что такое идеальный правитель на Руси?

– Что такое русский правитель? По каким критериям можно оценивать его «профессиональный уровень»? В России с ее сложностями и особенностями править очень сложно, и должен быть человек, адекватный стране. Думаю, у нашего русского правителя есть ряд более или менее неизменных задач. Прежде всего, это защита от внешних врагов. Затем – проблема отношений с правящим классом. Вся наша политическая история развивается в треугольнике «монархия – аристократия – народ». Правитель должен контролировать правящий класс. Если этого не делать, вступает в силу механизм эгоизма правящего класса, когда последний начинает тянуть на себя больше собственности, больше власти, – происходит перекокс, и госу-

дарство впадает в состояние упадка либо внутренних конфликтов. Но без правящего класса монарх существовать не может. Что это такое, говоря современным языком? Это губернаторы, генералы, руководители производства, без которых невозможно. Ленин пытался создать общество без правящего класса: уничтожил старый – стал новый расти. Ничего не получилось. Так что правящий класс должен быть, но правитель может заключить с ним своего рода сделку: вы имеете определенные привилегии, но за это должны делать вот то, вот это и еще вот то. И правитель должен быть достаточно сильным, чтобы заставить соблюдать эти правила игры. Это очень опасная работа, потому что при малейшем неосторожном движении наступает ситуация конфликта монарха с правящим классом. А она разрешается либо через террор, как при Иване Грозном (свирепое уничтожение значительной части этого класса) либо тем, что правящий класс уничтожает этого правителя. Мы знаем и Павла, и Петра III – примеров много.

Поэтому до конфликта лучше не доводить, а править так, чтобы этот класс уважал правителя и соблюдал правила, которые монарх в интересах всего общества правящему классу навязывает. На мой взгляд, это сложнейшая задача каждого правителя в России, может быть, даже более сложная, чем управление простым народом, хотя эта задача тоже существует. Народ должен иметь свой кусок хлеба, и правитель обязан это обеспечить, дать людям возможность трудом заработать. В конечном счете, вся наша политическая история – это игра сил внутри этого треугольника. Если мы, условно говоря, возьмем всю власть за 100 процентов, то в каждом конкретном царствовании они по-разному распределяются между монархией, аристократией и народом. Но главное – чтобы эта пропорция не была критичной, чтобы весь этот треугольник не опрокинулся, чтобы все общество не рухнуло. И вот здесь у монарха должны быть чутье и опыт, который нарабатывается. В этом отношении счастлив тот, кого учил отец, потому что никаких учебников здесь нет и быть не может, если не считать «Государя» Маккиавелли. В нашей истории многого достигали люди, которые были хорошо подготовлены или сами были настолько талантливы и восприимчивы, что быстро себя готовили. Иван III прошел такую школу (он в 7 лет стал соправителем отца, а в 22 года стал править), он знал все и всех, все проблемы, отец ему все передал. Это замечательная ситуация, которая позволила ему так далеко шагнуть вперед. Или, наоборот, ситуация с Грозным, который начинал



Строительство Успенского собора Кремля. Миниатюра из летописного свода XVI в.



Строительство белокаменного Кремля. Миниатюра из летописного свода XVI в.





Святой князь Александр Невский. Икона



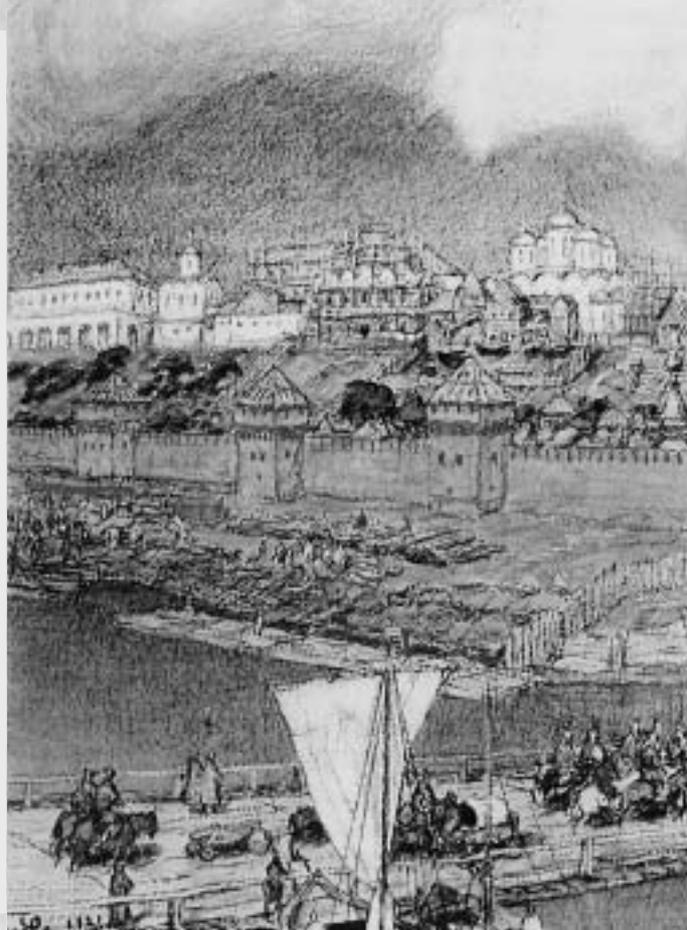
Святой князь Даниил Московский.
Миниатюра из Титулярника



Князь Иван Калита. Миниатюра
из «Царского титулярника» XVII в.

Когда-то Золотая Орда висела над Русью и смотрела, чтобы не появлялось слишком сильных лидеров, слишком авторитетных, и когда таковые появлялись, их разными способами устранили.

Московский Кремль при Иване III. Художник А. М. Васнецов



практически с нуля. Таким образом, правитель должен контролировать правящий класс, обеспечивать независимость и обеспечивать подданным возможность хотя бы раз в неделю иметь курицу в своей кастрюле, как говорил французский король Генрих IV. Это трудная работа, но почти все наши правители обладали, кроме всего прочего чувством огромной религиозной ответственности. Это чувство было, в частности, у создателей Московского государства, и в этом одна из главных мыслей моих работ по XIV веку. Создатели Московского государства были не беспринципные кровавые злодеи (хотя крови хватало – времена были такие, что без этого не обойтись), но все-таки в основе своей это были люди глубоко верующие, которые свою политическую деятельность понимали как служение своему народу, Божией матери (Москва как третий престол Богородицы), Спасителю. Здесь прежде всего чувство религиозной ответственности перед Богом за свои дела. Оно придавало этим людям силы, позволяло подниматься после падений. Это было у всех, даже у Романовых. Это чувство, как мне кажется, сковывало Николая II, не давая возможности делать какие-либо резкие движения, которые, может быть, были нужны, чтобы выйти из кризисной ситуации, но он боялся навредить, чувствуя, что он отвечает за Россию и по-

этому не имеет право на ошибку. Это чувство было и в самых первых наших правителях. А потом наступило уже время случайных людей, у которых этого чувства не было, – наш советский период.

– Как Вы думаете, присутствует ли, скажем, своего рода государственный заказ в современной России на появление людей того типа, о котором Вы сейчас рассказывали? И понимает ли современная государственная власть, правящий класс, что если подобных деятелей не выдвинуть, то этого правящего класса просто-напросто не будет?

– Я, конечно, не специалист по современности, но думаю, что нынешняя наша ситуация связана с тем, что нет системы воспитания, отбора, подготовки действительно государственных людей. Это связано не с тем, что кто-то не придумал ее, а с тем, что, во-первых, наш нынешний правящий класс – новый, он сформировался в последние 10-15 лет и осознал себя новым правящим классом недавно. Другое дело, что в нем много представителей старого правящего класса, но сама система отношений собственности, власти настолько изменилась, что новая правящая верхушка еще не совсем понимает сама себя, свои интересы, она еще «не наелась». Вот это желание наесться властью, наесться собственностью любой ценой доминирует в их поведении. Они



Сейчас над нами висит нынешняя Золотая Орда в виде НАТО... Они следят, чтобы наверху не появлялось талантливых людей, а если они появляются, их надо купить, а если они не продаются – уничтожить.

еще не поняли, что нужно думать, чтоб наелся не только ты, но и твой сын, и твой внук, живя в этой стране; чтобы он жил, как человек, здесь, а не где-нибудь в Калифорнии. Поэтому наш нынешний правящий класс, я бы сказал, еще зеленый, не созревший, не осознавший себя и своих задач в полной мере. Это первое.

Второе – то, что формирование государственных людей происходит через определенные образовательные системы, общественные институты, и здесь нельзя забывать, что мы, собственно говоря, находимся в ситуации повторения татаро-монгольского ига. Точно так, как когда-то Золотая Орда висела над Русью и смотрела, чтобы не появлялось слишком сильных лидеров, слишком авторитетных, и когда таковые появлялись, их разными способами устранили. Точно так же над нами сейчас висит нынешняя Золотая Орда в виде НАТО или Соединенных Штатов, во всяком случае, Запада в широком понимании, который стремится (и это естественно) контролировать нашу страну, ее политическую жизнь, властные структуры, потому что Россия – такая страна, где все решается наверху, в достаточно узком кругу. И они следят, чтобы там не появлялось талантливых людей, а если они появляются, их надо купить, а если они не продаются – уничтожить. То есть практически то, что делалось во времена Ивана Калиты.

Но есть надежда, что появится все-таки, Господь милостив, личность типа Ивана Калиты. Нам нужен сейчас такой человек, который не кричал бы с порога, что я вас тут всех сейчас разгоню, а который бы кланялся, ездил бы по три раза в год на какую-нибудь сессию НАТО, а сам бы потихонечку, аккуратненько здесь начинал бы с самых основ собирание нашей духовности, нашего человеческого потенциала. То есть нужен очень хитрый человек, который обладает, с одной стороны, идеей служения народу, государству, а с другой стороны – очень жестким прагматизмом. Это уникальное сочетание идеализма и прагматизма создает великих людей в истории. Одних идеалистов на свете много, прагматиков – еще больше. Может быть, пример не самый лучший, но Ленин потому и Ленин, что он соединял в себе фанатика и прагматика, и этим он выше и Сталина, и Троцкого: первый был чистый прагматик, второй – чистый фанатик, а Ленин соединял в себе и того и другого, поэтому он на голову выше их всех. Они только рты раскрывали, когда он делал известные зигзаги своей политики. Нам нужен человек такого типа, который, служил бы России, но это служение должно быть спрятано, как вериги, оно не должно быть на виду.

– А какова вообще формула успеха борьбы с Золотой Ордой? Существует



Святой князь Дмитрий Донской. Миниатюра из «Царского титулярника» XVII в.



Князь Иван III. Художник Шустов. XIX в.



Иван Грозный. Миниатюра из «Царского титулярника» XVII в.



МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.

Его жгли и разоряли более 12 раз. В 1238 году при Александре Невском и в 1331-м при Иване Калите, в 1365-м и в 1382-м при Дмитрии Донском, в 1547-м и в 1571-м



при Иване Грозном, в 1610-м при самозванцах и в 1682-м при первых Романовых, в 1701-м при Петре и в 1737-м при Анне, в 1812-м его храмы грабили французы, в 1917-м – революционные толпы. И все-таки он стоит. Те, кто строил и восстанавливал его стены, дворцы, соборы, оказались сильнее разрушителей, сильнее самого времени.

Что посмотреть

Сердце Святой Руси – белокаменный Успенский собор (1479) и другие храмы Соборной площади. Кремлевские дворцы и палаты XVII-XIX веков. Царь-пушка (1586) и Царь-колокол (1735). Крепостные стены и башни. Оружейную палату и Алмазный фонд. Словом, все, куда вы сумеете проникнуть, и все, на что у вас хватит денег.

Как добраться

Москва. 5-10 минут пешком от станций метро «Театральная», «Боровицкая» или «Александровский сад».

Билеты в музеи лучше купить заранее. Крупные вещи придется оставить в камере хранения, а вас (реалии времени таковы) ждет обязательный милицейский досмотр на входе и весьма бдительное наблюдение внутри.



Подробнее...

<http://www.museum.ru/kolomen/>
<http://moscow.photobase.ru/kolom.htm>
<http://moscow.gramota.ru/map106.shtml>

такой миф, что на Куликовом поле мы с Ордой расправились. Но только ли с помощью оружия была она побеждена?

– Этим вопросом Вы вышли на одну из самых загадочных тем нашей отечественной истории. И, на мой взгляд, загадка состоит прежде всего в том, что мы не можем дать себе ясного отчета, что такое татаро-монгольское иго, каким оно было в реальной повседневности, как оно воспринималось и воспринималось ли вообще в повседневной жизни людей, каковы были механизмы сбора дани. Мы ничего не знаем: ни размеров дани, ни механизмов сбора, ни механизмов контроля, ни наказания за неуплату, есть только самые общие представления. Одни представляют себе, что татарин буквально стоял над каждым с плеткой, другие, наоборот, пишут, что татарское иго – это миф, выдуманный историками для оправдания исторической отсталости России, как на Западе любят говорить.

Исходя из того, что я знаю и чем занимаюсь много лет, я не могу найти более точного сравнения, хотя оно и несколько вульгарно, чем сравнить татаро-монгольское иго с некоей бандитской «крышей», которые существуют у наших предпринимателей. Эта «крыша» не вмешивается в бизнес: «Ты делай свой бизнес, но не забывай, что в определенное время ты должен 10 процентов отстегнуть нам. И не забывай, что у тебя в бухгалтерии сидит наш человек, который даст нам знать, если ты захочешь нас обмануть. И тогда тебе будет плохо». И целый ряд таких аналогий. То есть, не вмешиваясь в повседневную жизнь России, они в то же время очень жестко контролировали ее доходы и ситуацию, чтобы «предприниматели» не объединились и не сбросили с себя власть этой «крыши». Повторяю, это только мои предположения, механизм этот мало известен. Соответственно, мало известен и механизм преодоления татаро-монгольского ига. И главный вопрос состоит именно в пропорции. То есть ясно, что здесь присутствовали два элемента: первый – это вооруженное сопротивление, восстание против Орды русских князей, русских людей, а второй элемент – это постепенный развал самой Орды, который начался с 1357 года, со смерти Джанибека и дальше за 25 лет было 25 ханов – «великая заматня». Ясно, что в условиях нестабильности в Орде, фактической раздробленности, нашим было легче сбросить власть, чем, скажем, при Узбеке, – тогда это было нереально. Но чтобы решить, в какой степени играет роль каждый фактор, нужно иметь хоть какие-то цифры. Мы же не знаем, сколько привел на Куликово поле Мамай, сколько Дмитрий. А сколько было сил у татар в XV веке, а сколько у нас? Но я думаю, что ог-

ромную роль все-таки, какие бы ни были цифры, сыграло то, что мы сейчас называем промышленностью. То есть Иван III, по сути дела, создал в Москве мощный по тем временам военно-промышленный комплекс. Это и артиллерия, и крепости, и все прочее. В летописи есть замечательный, очень образный и очень глубокий рассказ о том, как отражали нашествие Ахмата в 1472 году. Когда он шел вдоль Оки, воевода, князь Холмский с московскими полками шел по другому берегу и не давал татарам переправиться. Они построились, собирались уже переправляться, и вдруг из леса выходят наши полки, разворачиваются, и летописец говорит: и полки наши сияли, как озеро под солнцем. Тот есть они все были в железе: в шлемах, латах, поручнях – они были, как танки, для татарских стрел практически неуязвимы. А татары, так сказать, «в равных телогрейках»: у них никакой промышленности не было. Поэтому эта материальная база московской армии, созданная как раз в основном Иваном III, несомненно сыграла огромную роль в победах конца XV века.

– В Вашей работе, посвященной Ивану Калите, показано, что Иван Калита, следуя заветам святителя Петра, строил Москву как новый религиозный, духовный центр. Это было уникальное строительство: в деревянной Москве за пять лет появляется пять белокаменных храмов. С другой стороны, совершенно очевидно, что любой, например, сузалец мог сказать: «Вы молодцы, москвичи, кто построили эти пять храмов, что вы хотите стать духовным центром, но я не признаю вас таковыми». И вдруг во время правления Ивана Калиты родился преподобный Сергий, который и стал главным доказательством того, что дело Ивана Калиты подкреплено не только его уникальным умом, темпераментом, но оно подкреплено и свыше. Получается, что строительство, очень жесткое, прагматичное, только тогда может привести к успеху, если в нем есть присутствие Бога, если оно подкреплено свыше?

– Я думаю, что чудо есть награда за труд. Скажем, у Карамзина есть прекрасная фраза. В »Записках о новой и древней России», когда он рассуждает о возвышении Москвы: «Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века... возвысил главу и спас отечество». А в основе этого чуда – тяжелейшая физическая и духовная работа нескольких поколений москвичей, начиная с князя Даниила. И наградой за этот труд, не рабский, а одухотворенный, направленный к высокой цели, становится чудо. Чудо в том смысле, что получается результат: яркий, мощный, сильный результат – плод труда и смирения.



«Ух, какая рогатая!», или Как химия обрела порядок



«У-у-у! Рогатая. Ух, какая рогатая! Я тя одолею. Убью-у!» – доносилось из кабинета великого русского химика Менделеева. Домочадцы знали: эти возгласы означают, что у Дмитрия Ивановича наступило творческое вдохновение.

После завтрака Менделеев закрылся в своем кабинете. Он достал из конторки пачку визитных карточек и стал на их обратной стороне писать символы элементов и их главные химические свойства. В который раз он уже перекалывал этот химический пасьянс, то убирая карточки из горизонтального ряда, то вставляя их. Так рождалась Периодическая система химических элементов.

Говорят, что она приснилась Менделееву во сне. Иначе объяснить то, что Менделеев сделал с немногочисленным материалом, которым располагала на тот момент наука, невозможно. В 1869 году были известны всего 60 элементов, их атомный вес определен неточно, а свойства не выявлены. Ученый решил исправить атомные веса сразу одиннадцати химических элементов. Уран, например, поместил в самый конец таблицы, самовольно присвоив ему атомный вес 240 вместо принятого тогда 60.

В своей дерзости Менделеев пошел до конца. Он оставил пустые клетки для элементов, которых еще не было. Мало того, предсказал их свойства. Это было настолько невероятно, что научное сообщество осталось в полном равнодушии. Президент русского химического общества знаменитый Николай Зинин даже заявил: «Менделеев делает не то, чем следует заниматься настоящему исследователю».

Стена отчуждения рухнула лишь в 1875 году, когда француз Буабодран открыл новый элемент и назвал его галмием. Произошел небольшой скандал, который, как ни странно, способствовал признанию теории Менделеева. Описанные французом свойства галмия в точности совпадали с теми, что и предсказывал великий русский химик. Кроме одного – плотности. И тогда Менделеев заявил: «Назовите его хоть японцем, но плотность определена неверно!» Повторные эксперименты, проведенные Буабодраном, подтвердили слова русского ученого.

Новым триумфом стало открытие еще двух предсказанных Менделеевым элементов: в 1879 году – скандия, а в 1886 году – германия. Так химия обрела порядок, а Дмитрий Иванович навсегда вписал свое имя в историю. Он не удостоился Нобелевской премии, его не выбрали в Российскую академию наук, но если попросить любого россиянина назвать самого великого отечественного ученого, практически каждый ответит – Дмитрий Иванович Менделеев.

Анастасия ЕКИМОВА

Великий Сибирский Путь. Полузабытое ныне название одного из самых объемных и сложных инженерных сооружений в истории человечества. «Русскими руками на русские деньги по русским чертежам из русских материалов» приказал его выстроить государь-миротворец Александр III. Русские инженеры провели изыскания, русские заводы сделали рельсы, а русские артельщики за 10 лет проложили через тайгу и болота около 7000 верст железнодорожного полотна. Самые быстрые темпы и самые сложные условия строительства в тогдешнем мире, самые современные технологии, самые оригинальные мосты через самые широкие реки, и, наконец, самые красивые виды на созерцание которых и сегодня не жаль потратить неделю жизни.

Что посмотреть

Вы воочию увидите, как велика и прекрасна подаренная нам Богом страна. Усури, Амур, Селенга, Ангара, Енисей, Обь, Иртыш, Тобол, Уральские горы и Байкальские берега... Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Благовещенск, Чита, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск... На всех этих реках, во всех этих городах столетиями живут миллионы русских людей – потомков первопроходцев и благоустроителей Сибири. Монастыри и храмы, вокзалы и заводы ничего этого еще 300 лет назад не было здесь. И все это, в равной мере, можно считать памятником русского духа, русской мысли и русского усердия.



Как добраться

Пойти на вокзал и купить билет во Владивосток через Нижний Новгород-Екатеринбург или через Казань-Челябинск. Параллельные в Европе и на Урале эти дороги сойдутся в Омске, и далее до самого Тихого океана у вас уже не будет другого Пути. Путешествие из Москвы занимает чуть более 7 суток. Желаящие полностью sobлюсти историческую достоверность могут как встарь попытаться проехать во Владивосток по КВЖД через Харбин. Однако это лишит их наслаждения лишние двое суток наблюдать за окном красоты русского Приморья и Приамурья. Летом на купе лучше не экономить, т.к. в плацкарте бывает довольно душно. Но с другой стороны, мало где, кроме как в плацкартном вагоне Транссиба вы сможете за неделю познакомиться с огромным количеством нормальных русских людей.

Подробнее...

<http://www.solovki-monastyr.ru/>
<http://www.solovky.ru/>
<http://solovki.net/>

Иван ЛОПАТИН



Если вы были ребенком в 60-е, 70-е или 80-е, оглядываясь назад, трудно поверить, что нам удалось дожить до сегодняшнего дня. В детстве мы ездили на машинах без ремней и подушек безопасности. Поездка на телеге, запряженной лошадью, в теплый летний день была несказанным удовольствием. Наши кровати были раскрашены яркими красками с высоким содержанием свинца. Не было секретных крышек на пузырьках с лекарствами, двери часто не запирались, а шкафы не запирались никогда. Мы пили воду из колонки на углу, а не из пластиковых бутылок. Никому не

разочарованием. Некоторые ученики не были так сообразительны, как остальные, поэтому они оставались на второй год. Контрольные и экзамены не подразделялись на 10 уровней, и оценки включали 5 баллов теоретически и 3 балла на самом деле. На переменах мы обливали друг друга водой из старых многоцветных шприцов!

На самом деле в мире не семь чудес света, а гораздо больше. Просто мы с вами к ним привыкли и порой даже не замечаем. Ну разве не чудо – первое советское средство после бритья? Помните? Кусочки газеты?

Бесплатная медицина – это тоже чудо. Врач один, а очереди две: одна по талонам, а вторая по записи. А еще и третья была – «Я только спрошу!»

Да, сколько еще их было, этих чудес света... Маленькое окошко из кухни в ванную – что там смотреть, объясните?

Обувная ложка-лошадка...

Зубной порошок – чистит как зубы, так и серебро...

Писающий мальчик на двери туалета...

Телевизор «Рубин»: берешь пассатижи – и тын-тын-тын!

Плавки с якорьком... помните?!

МЫ ПИЛИ ВОДУ ИЗ

могло прийти в голову кататься на велике в шлеме. Ужас.

Часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки, а когда впервые неслись с горы, вспоминали, что забыли придумать тормоза. После того как мы въезжали в колючие кусты несколько раз, мы разбирались с этой проблемой.

Мы уходили из дома утром и играли весь день, возвращаясь тогда, когда загорались уличные фонари (там, где они были). Целый день никто не мог узнать, где мы. Мобильных телефонов не было! Трудно представить. Мы резали руки и ноги, ломали кости и выбивали зубы, и никто ни на кого не подавал в суд. Бывало всякое. Виноваты были только мы и никто другой. Помните? Мы дрались до крови и ходили в синяках, призывая не обращать на это внимания.

Мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад, но никто от этого не толстел, потому что мы все время носились и играли. Из одной бутылки пили несколько человек, и никто от этого не умер. У нас не было игровых приставок, компьютеров, 165 каналов спутникового телевидения, компакт-дисков, сотовых телефонов, Интернета, мы неслись смотреть мультфильм всей толпой в ближайший дом, ведь видеиков тоже не было!

Зато у нас были друзья. Мы выходили из дома и находили их. Мы катались на великах, пускали спички по весенним ручьям, сидели на лавочке, на заборе или в школьном дворе и болтали о чем хотели. Когда нам был кто-то нужен, мы стучались в дверь, звонили в звонок или просто заходили и виделись с ними. Помните? Без спросу! Сами! Одни в этом жестоком и опасном мире! Без охраны. Как мы вообще выжили?

Мы придумывали игры с палками и консервными банками, мы воровали яблоки в садах и ели вишни с косточками, и косточки не прорастали у нас в животах.

Каждый хоть раз записался на футбол, хоккей или волейбол, но не все попали в команду. Те, кто не попал, научились справляться с

А такое чудо, как тюнинг автомобиля «Москвич-412»? Помните? Пятикопеечные монеты по периметру лобового стекла, меховой руль, эпоксидная ручка коробки передач с розочкой и, естественно, милицейская фуражка на заднем стекле.

А резинка от трусов – это же тоже чудо! Ведь она прекрасно держит как трусы, так и варежки!

А в кинотеатрах? Точка от лазерной указки на лбу главного героя – Боже мой, скольких людей это сделало счастливыми!

Пирожок с повидлом – ну разве не чудо? Никогда не угадаешь, с какой стороны повидло вылезет!

Еще одно необъяснимое чудо – поднимите, пожалуйста, руки те, у кого был нормальный учитель труда... а не инопланетянин.

А такое чудо – авоська с мясом за форточкой? Помните: полез доставать – пельмени упали!

А вот этот вот чудесный мамин развод: «Я тебе сейчас покупаю, но это тебе на день рождения?!»

Или вот эта волшебная бабушкина фраза на прощание: «Только банки верните!»

А холодильник «ЗИЛ» помните, вот с такой вот ручкой? Это же однорукий бандит!

Дергаешь ручку – сыпятся банки.

А, кстати, что до сих пор лежит в холодильниках на дверце сбоку? Нет, не яйца. И не кетчуп. На дверце сбоку лежат... лекарства!

Молоко в треугольных пакетах!

А вы говорите: «Семь чудес света!»

Мы раньше много чего делали такого, что сейчас и в голову не взбредет делать. Более того, если ты сегодня хоть раз сделаешь то, что тогда делал постоянно, – тебя не поймут, а могут и за сумасшедшего принять.

Ну вот, например, помните автоматы с газированной водой? Там еще был стакан граненый – один на всех. Сегодня никому и в голову не придет пить из общего стакана! (Сегодня его украдут через пять секунд после установки автомата, ровно за три секунды до того, как утащат и сам автомат...) А раньше ведь все пили из этих стаканов. Обычное дело! И ведь никто не боялся подхватить какую-нибудь заразу...



Кстати, эти стаканы использовали для своих дел местные пьяницы. И, представьте себе, вы только представьте это – они ВОЗВРАЩАЛИ стакан на место! Не верите? А тогда – обычное дело!

А люди, вешающие простыню на стену, выключающие свет и бормочущие что-то себе под нос в темноте? Секта? Нет, обычное дело! Диафильм называется.

Дым валит, едкий запах по всей квартире. Дощечка такая, с письменами. Что вам представляется? Индийский великий жрец Арамонетригал? На самом деле это вы-жи-га-ние. Обычное дело! Миллионы советских детей выжигали открытки мамам на 8 марта: »Ма-

мочка, поздравляю с Международным женским днем. Желаю тебе мирного неба над головой, а твоему сыну – велосипед...»

А еще все сидели в ванной, причем на опущенном стульчаке, причем в темноте – и светил там только красный фонарь... Догадались? Обычное дело – печатали фотографии. Вся наша жизнь – на этих черно-белых фотографиях, отпечатанных собственными руками, а не бездушным дядькой из »Кодака»... Ну, вы же помните, что такое фиксаж?

А девчоночки, вы помните резиночки? Удивительно, но ни один мальчишка на свете не знает правила этой игры!

А сбор макулатуры в школе? До сих пор мучает вопрос – зачем? А я ведь тогда весь папин архив »Плейбо» туда отнес. И мне ничего за это не было! Только мама удивлялась: чего это отец стал так придирчиво проверять мои домашние задания?!

А портреты Горбачева без родимого пятна помните? А ведь мы еще помним, как Джексон был негром, да еще и несовершеннолетним! Тогда это было – обычное дело!

Вообще очень много такого было необычного: поездки на картошку и разбавленное пиво (не, ну правда было вкусно!).

Да, мы были очень необычными людьми.

КОЛОНКИ НА УГЛУ...



Наши поступки были нашими собственными. Мы были готовы к последствиям.

Прятаться было не за кого. Понятия о том, что можно откупиться от ментов или откосить от армии, практически не существовало. Родители тех лет обычно принимали сторону закона, можете себе представить?!

Это время породило огромное количество людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не было, просто не существовало. У нас были свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы как-то просто научились пользоваться всем этим. Если вы – один из этого поколения, я вас поздравляю. Нам повезло, что наше детство и юность закончились до того, как правительство купило у молодежи свободу в обмен на ролики, мобилы, фабрику звезд и классные сухарики... С их общего согласия... Для их же собственного блага... ●



«НЕ СПАТЬ, И ШАГАТЬ, И СТРАДАТЬ, И РАДОВАТЬСЯ...»

Любое великое деяние рождается из повседневности, хотя на расстоянии лет кажется начисто оторванным от нее.

Евгений Богат, «Нет радостнее вещи»

Ставлю в газовую духовку пирожки. Чиркаю спичкой. Из махоньких дырочек на изогнутой трубке выскакивают голубые язычки. Так привычно... Подумаешь – газ. Это сорок лет назад газовая плита всей стране казалась сказкой. И газопровод «Бухара – Урал», который вот-вот должны были пустить.

Тогда о нем писали не иначе как о чуде:

«Ярко сияют газлинские буровые вышки в степи. Они в огнях от самых макушек до оснований. Их здесь десятки, сотни: целый город конструкций, моторов, газосборочных сооружений и очистительных установок. Бурь уходят в глубь земли, к залежам газа. На действующих скважинах космическим звоном поют трубы. Верхолазы и электросварщики, облепив высотную конструкцию, молнируют в темный зев пустыни ослепительными всполохами. Завершаются последние сварочные работы на головных сооружениях газопровода».

Наблюдать строительство самой грандиозной в мире газовой магистрали могли только его строители, спецкоры газет и студенты некоторых вузов. В знойных степях с

их песчаными бурями и отсутствием привычной цивилизации особой романтики не обнаруживалось. Но тех, кто строил газопровод, вдохновлял призыв собственными руками творить историю страны. Без него стройка вряд ли бы стала ударной. Что, если не это, помогало студентам во время практики



! Нам хотелось подвига, а разве не подвиг – труд, который служит сразу всем соотечественникам?!



по двенадцать часов без перерыва таскать к котлам тяжеленные мешки с сырьем для мастики, которой пеленали трубы? Без усталости рыть траншеи, заливать фундамент под турбины?

– Весной 1963 года нам выдали дипломы. Декан факультета трубопроводного транспорта Уфимского нефтяного института, где мы учились, построил наш курс и сказал: «Вы едете на великую стройку. Вы нужны Родине. Она вас зовет!» Без пафоса сказал, он знал, на какую огневую работу мы поедем – почти половина выпуска, сорок человек. Вот-вот должны были пустить газопровод, срочно

Подготовила
Лада ПАНИШЕВА
Фото из архивов
первых эксплуатационников
газопровода «Бухара-Урал»

нужны были эксплуатационники, и выбор пал на наш выпуск. Нам предстояло следить за сложными системами газоперекачивающих станций, чутко ухаживать за многокилометровой «трубой», ликвидировать последствия взрывов и аварий, бороться с пожарами, – вспоминали на своей встрече выпускники Уфимского нефтяного института в марте 2003 года.

Как же им не терпелось накануне выпуска поскорее оказаться на трассе, на любой из компрессорных станций...

– Мы с друзьями даже жребий судьбы сами разыграли, как в фанты, – рассказыва-



ет Валентин Мандрин. – Анвар Мухаметшин встал спиной к карте газопровода. Павка Прытков и Саша Дойбан показывали на ней точку, а он говорил, кому из нас туда ехать. Мы были по-настоящему счастливы попасть на магистраль. Нам хотелось подвига, а разве не подвиг – труд, который служит сразу всем соотечественникам?! Только представьте, ради чего мы уезжали в пески. Мы знали, что газ придет к людям в дом и облегчит им жизнь. Знали, с каким нетерпением ждали газ на крупных металлургических комбинатах, машиностроительных, цементных, трубных заводах. Что он станет сырьем для получения многих полезных веществ: каучука, спирта, полиэтилена, сажи, которая нужна для изготовле-

Студенты жили в саманных бараках бывшего уфимского ГУЛАГа.

ния типографской краски, резины, красителей. Что он сделает эти продукты дешевле в несколько раз...

Выпуск нефтемеханического факультета 1963 года был одним из лучших: половина студентов училась на «отлично». И еще среди выпускников того года не было ни одной девушки – провидение «угадало», куда им придется отправиться.

То же провидение намекало на предстоящие трудности, когда ребята только поступили учиться. Тогда, в 1958 году, еще не было построено пятиэтажное кирпичное общежитие. И студенты жили в саманных бараках бывшего третьего концентрационного лагеря, уфимского ГУЛАГа, которые после его ликвидации достались Уфимскому нефтяному институту.

Бараки делились пополам длинным коридором, в промозглых комнатах жили по шесть человек. Зимой температура редко поднималась выше 10 градусов. Темно, удобств – никаких. Почти так спустя пять лет им выпало жить в Средней Азии, в вагончиках-временках.

«Зачем нужен ад, если есть Кунград?» – эта молодецки шутовская надпись красовалась когда-то на плакате возле компрессорной станции №6, одной из самых знойных на магистрале «Бухара – Урал».

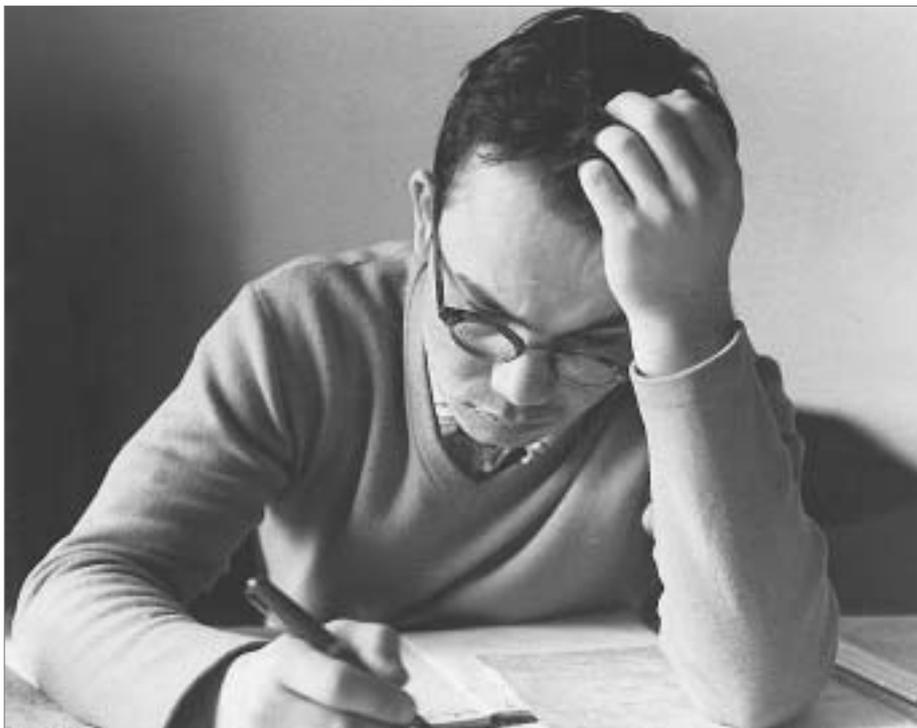
До сих пор в Кунграде разъяренное солнце обугливает все живое уже при сорока градусах. Зимние бураны носятся по степи, размахивая ледяными розгами. Поздняя осень угрюмо шуршит подсушенным ковьялем. Песчаные ветродуи не перестают неделями: мир блекнет, теряет в песчаной завесе и без того неяркие краски. От тумана из песка болит голова, волосы встают дыбом, электризуются.

Недалеко от Кунграда находится плато Устюрт, где в шестидесятых годах вместе с газопроводом родился город Комсомольск-на-Устюрте.

Вот что в 1966 году писал об Устюрте журнал «Уральская новь»: «Мало, наверное, найдется на земле таких унылых мест, как северная часть Устюрта. Пустыня по сравнению с ней просто красавица: небо синее, песок желтый, кое-где какие-нибудь саксаулы встретишь... А здесь все серое от пухляка – тончайшей пыли. Механизмы машин изнашиваются за полгода. Тут мы узнали, как могут болеть глаза от монохромности – отсутствия цветовой гаммы. Спасались, глядя на врученные на какой-то из компрессорных станций пионерские галстуки... Между прочим, годовой перепад температур здесь восемьдесят градусов».

Самая южная точка газопровода – соседний с Бухарой город газовиков Газли.

– Цветущая Бухара от Газли всего-то в ста километрах. Там базары, заваленные дынями и арбузами. Деревья растут – оазис, экзотика Средней Азии. А в Газли – уже ни кусточка,



лись за него. Сдали кровь, готовы были к сдаче крови еще и кожи. Но ему не помогли ни кровь, ни профессора из Ленинграда, Оренбурга и Москвы. Умер парень...»

А если случалась авария и разрывалась труба, над землей вспыхивала огненная свеча, которую было видно за десятки километров. В ста метрах от эпицентра в мгновение ока сгорал дом. Куски разорвавшейся трубы разлетались далеко вокруг. За тридцать километров чувствовалось, как гудит земля. Были случаи, когда люди полностью обгорали за считанные секунды.

Но, несмотря на все трудности, не так часто уезжали с газопровода его эксплуатационники. Только в крайнем случае – если сильно портилось здоровье или у жены окончательно сдавали нервы.

Из письма электрика Альберта Смирнова, представителя штаба комсомольской стройки «Бухара-Урал»:

»Ургенч. У меня, если судить по газетным статьям, все 24 часа в сутки свободны, т. к.

На изоляции турбин мы пекли картошку. Шесть минут – и готово!

одна пустыня, посреди которой стоят вагончики. Резкий контраст, – вспоминает о приезде на компрессорную станцию выпускник Уфимского нефтяного института Павел Прытков. – В самые первые месяцы после приезда в Газли было особенно тяжело. Питьевая вода – только в цистерне. В металлическом вагончике днем, как в духовке, – настолько стены раскалялись. И на улице не легче.

Не было ни хлеба, ни картошки, ни овощей, ни фруктов, ни консервов. Только мясо.

Вокруг барханы, вараны, змеи – и больше ничего.

В вагончиках, первом жилье эксплуатационников, стояли двухъярусные кровати и печурки, которые затапливали с вечера. Когда начинался буран вагончики полностью заносило песком или снегом, в зависимости от времени года. Чтобы откопать дверь приходилось вылезать в форточку. Каждое утро дежурный водитель проезжал на вездеходе мимо вагончиков и проверял, не надо ли кого доставать из-под заносов.

В вагончиках и работали и спали и отдыхали. Читали, готовились к экзаменам к дипломным работам. Растили детей.

– Панцирные сетки кроватей, провисая, задевали пол. До потолка рукой достать можно. Зимой поутру так холодно, что, бывало, и одеяло от стены не оторвешь. То волосы к подушке примерзали, то сосульки с потолка свисают, – вспоминает выпускник Уфимского нефтяного института Лев Бронштейн. – Люди, бывало, гибли. Как Саша Дойбан. Как-то

на трассе всплыла из песка труба, и он отправился на место аварии. Жить пришлось в промозглом вагончике, где однажды ночью у него примерз бок к стенке, застудились почки. Он заболел, и первого октября 1967 года оборвалась его жизнь.

После пуска газопровода на компрессорных станциях не знали, что такое восьмичасовой рабочий день. Работали не по графику, а по надобности и по совести, и без сверхурочных. Порой из цеха не выходили месяцами.

– На нашей КС в кабинете молодого начальника турбинного цеха Юры Забродина стояли раскладушки. Когда у кого-нибудь из ребят кончались силы, он отправлялся прилечь, а к турбинам шли другие, – рассказывает Павел Прытков.

– Работа была очень жаркая: в камерах сгорания температура доходила до семисот градусов по Цельсию, а в турбинном цехе, где нам по долгу службы приходилось часто бывать, до семидесяти. На изоляции турбин спокойно пекли картошку, она была готова уже через шесть минут, – говорит Лев Бронштейн.

Не только жарко на компрессорной станции, но и опасно.

»В Новотроицке на ГРС в домике оператора – взрыв, – пишет в одном из писем другу Валя Зимина. – Парень обгорел. Мы боро-



здесь работы, согласно сообщениям «наших спецкоров», давно завершены, и мы играем, наверное, в солдатики и пьем кок-чай. К сожалению, действительность всегда отстает от газеты. Сейчас мы только закончили свои и чужие грехи, скромно именуемые недоделками, и сегодня начинаем испытания газопровода от 426 километра до Кунграда.

Ко мне приехала семья: жена с сыном. Сразу же заявили решительный протест против жары, пыли и прочих прелестей солнечного Узбекистана и предъявили ультиматум: или переезжать домой, т. е. в Куйбышев, и работать на одном месте, как все нормальные люди, или сказать ясно, нужна ли мне семья, и т. д. Хуже, чем перейти Рубикон. Я пока убеждаю всеми методами, но они очень неохотно сдают свои позиции».

«Все, чем мы занимаемся не по обязанности, не из корысти, а по душевному влечению,



Вокруг барханы, вараны, змеи – и больше ничего.

с радостью и безоглядно, все, в чем видим общественную пользу и нравственный свой долг, все, в чем хотим выразить доброе отношение к людям: выращенное ли яблоко, кирпич ли, уложенный в стену дома, выточенная на станке деталь, эскиз, появившийся на мольберте, вылеченный человек, написанная строка, – все заслуживает того, чтобы из-за этого не спать, и шагать, и страдать, и радоваться, и печалиться, и добиваться, и умирать»... Это написал публицист Александр Левиков в своей книге «Ищи себя, пока не встретишь».

То, что это и есть истинный смысл труда, доказали своей жизнью герои газопровода «Бухара-Урал», его первые эксплуатационники. Свое счастье они связывают с особыми человеческими отношениями на больших стройках, когда людей сплачивают именно такой труд и трудности. Когда самоотдача в пользу Родины, в ущерб собственным амбициям становится нормой.

– Пока в стране есть газ и нефть, спрос на трубопроводчиков, проектировщиков и транспортников всегда будет. Потребность в них всегда превышает количество наших выпускников и выпускников других вузов, – говорит декан факультета трубопроводного транспорта Уфимского нефтяного университета Раис Жданов. – Хотелось бы только, чтобы больше ребят шло на факультет по влечению сердца, как когда-то шли сюда мы. К сожалению, приходится замечать, что современный молодой человек часто не знает, за чем он идет учиться.

– А было ли у вас тогда, в юности, желание

комфорта? Хотелось, наверное, иметь машину, дачу и так далее? – поинтересовались мы у выпускников-трубопроводчиков 1963 года на их встрече в Уфимском нефтяном университете.

– Ну... я, например, на велосипед впервые сел, когда учился на первом курсе техникума. И то выпросил у соседа. Это велосипед! А вы говорите – иметь машину, – ответил Валентин Мандрин.

– Тогда романтика была на первом месте, – добавил Лев Бронштейн. – Песни какие были: «А я еду, а я еду за туманом...» Некоторые выпускники, которые были нас поумнее, пошли после института работать на нефтебазы. Там зарплата была немного ниже, чем у нас, но зато сразу давали «Волги», дачи. Только я ни от одного из них не слышал, чтобы он был счастлив на своей работе. Весь смысл был в том, чтобы где-то что-то урвать. А мы жили полноценной жизнью, чувствовали, что нужны людям.

Каждое мгновение жизни они умели воспринимать как счастье. И всегда были готовы по первому зову броситься спасать трубу и товарищей. Услышать о трудностях соседа и поделиться с ним последним куском хлеба, участливым словом. До сих пор они умеют быть сопричастными всякому человеку, которого встречают на своем пути. И носят в сердце удивительное значение полноты бытия – знание о том, что все в этом мире приходится тебе братьями и сестрами.

Жизнь свою они строили и по влечению сердца, и в лад со страной, которой были на деле преданы.Г





НЕ ОТДАВАЙТЕ

И в прессе, и по телевидению нам говорят об артистах и о том, как много зарабатывать и красиво жить, ничего не делая. Про Север – ничего. А ведь там другая жизнь...



И вместе с этой льдиной, в марте 2003 года тронувшейся в путь по Ледовитому океану, наконец «тронулся лед» в умах высоких политиков, и на полярную станцию отправились засвидетельствовать почтение члены Правительства, академики и губернаторы, Президент лично поздравил и пожелал успешные отчеты о наблюдениях, а на очередном заседании Правительства РФ единогласно (!) был принят закон о внесении новой строки в бюджет следующего года – на финансирование дрейфующей станции «Северный по-

люс». После успешного окончания экспедиции Президент встретился с руководителями проекта и вместо обещанных сорока минут беседовал с ними три с половиной часа. Так что же это за люди, своим свободным и дерзким решением сдвинувшие, казалось бы, неподвижное? Кто они, сумевшие полюбить всем сердцем самую холодную и безжизненную точку планеты? Чего ради они не жалеют себя и почему так убеждены в том, что старания их – не пусты?

Александр Валентинович Орлов, полярный летчик, почетный полярник России, уйдя на пенсию, на-

шел свою нишу в бизнесе, но остался верен Северу. Сейчас Александр Орлов – председатель совета директоров АО «Внуково-терминал» и вице-президент Ассоциации полярников. Занимается логистикой – обеспечением безопасности экспедиций в Арктическом и Антарктическом бассейнах.

К А. В. Орлову я пришла с целым ворохом вопросов о государственной политике в отношении нашего Севера. Все они отпали сами собой после лаконичного ответа: «Никакой государственной политики в отношении

АРКТИКУ НИКОМУ!

Это всегда удивительно – когда что-то делается вопреки. В течение 12 лет (с 1991 по 2003 год) никто в России не занимался вопросами Арктики, Северный полюс стал для нас бесконечно далек и, казалось, был уже потерян. Но собрались люди, которые твердо знали, что России это необходимо, и снарядили экспедицию на Северный полюс, вложили в это свои (!) гигантские деньги, закупили снаряжение и отправились зимовать на льдине (12 человек на 12 месяцев).

Севера в России нет». Это грустно. Но это не значит, что нет ничего. И потому мы поговорили о том, что есть.

– Мы – довольно самодостаточная организация, и действуем, не озираясь на государство. С одобрения президента Всемирной метеорологической организации и руководителя Росгидромета А. И. Бедрицкого, самостоятельно делали и этот проект «СП-32» – это первая российская и 32-я, начиная от Папанина, дрейфующая станция. Финансировали проект мы втроем с Михайловым Сергеем Анатольевичем, председателем попечителей благотворительного фонда «Участие», кавалером 25 православных наград, и Чилингаровым Артуром Николаевичем, руководителем Ассоциации полярников. Делали мы это не для того, чтобы извлечь какую-то выгоду, а потому, что сами давно увлечены идеей Севера и потому, что считали и считаем, что для государства это важно.

Мы занимаемся экспедиционной деятельностью. Ассоциация полярников строит и содержит технические платформы, на которых могут размещаться те или иные экспедиции – научные, технические, экологические, туристические, экстремальные. Одна из особо значимых экспедиций – эвакуация нашего самолета АН-3 с Южного полюса, с американской станции. Самолет в 2001 году туда при-

Беседовала **Наталья ЗЫРЯНОВА**

летел и там сломался. Американцы настаивали, чтобы мы очистили территорию, – распилили самолет и каким-то образом вывезли его. Посоветовавшись с Чилингаровым, мы решили, что самолет должен улететь своим ходом, потому что не пристало русской технике уезжать в мусорных ящиках. Мы туда прилетели, привезли новое оборудование для самолета, на 35-градусном морозе полностью его перебрали, заменили двигатель, оборудование, летчики-испытатели облетали его и перелетели на станцию Мак-Мёрде, где мы ему отстыковали крылья, загрузили в самолет ИЛ-76 и переправили в Россию.

– А какие ближайшие планы?

– В преддверии Международного Полярного года (2007-й) мы готовим большую экспедицию, так называемый «Полярный паук» – это сеть дрейфующих станций, которые работают одновременно, потому что, как оказалось, для науки интересно проводить исследования не в одной точке, на одной станции, а одновременно на большой площади, на 25–50 станциях. Мы выдвинули этот проект, он поддержан, в частности, Росгидрометом. Станция будет международной, потому

Северный морской путь всегда был козырной картой России в любом геополитическом споре.



что ни одному государству не под силу самостоятельно профинансировать такой глобальный проект. А собранными научными данными будет пользоваться все мировое сообщество.

Еще большой интерес для нас представляет Земля Франца-Иосифа. Это потрясающе красивое место на земле, но, к сожалению, оно сильно загрязнено продуктами человеческой жизнедеятельности. И мы хотели бы заняться его очисткой.

– А когда все будет очищено, тогда что?

– Я думаю, расчищать хватит нам и нашим внукам. Вот, кстати, здесь бы пригодилась альтернативная служба. Хорошо бы молодые пацифисты проходили ее там. Это был бы труд во благо, кстати, ничуть не легче, чем в армии.

– Есть ли смена у нынешних полярников?



– На «СП-32» половина полярников были «старички», опытные полярники, а половина – молодые ребята, от 25 лет.

– А Ваши дети имеют к этой теме какое-то отношение?

– Имеют. Есть у нас ребенок такой – член Союза художников, у него масса персональных выставок. Вот он уже больной. Больной Севером. Он один раз попал на станцию, и теперь рисует только на эту тему.

– А как Вы думаете, эта тема в нашей стране будет как-то дальше развиваться?

– Обнадежить вас я не могу. Мы надеемся на то, что это будет.

Звонкий, радостный женский голос заставил не сомневаться:

– Да будет же, будет, мы верим в это! Открываются новые станции – одна, другая. Медленно, но будет. И Президент уже говорил об этом...

Эта хрупкая женщина, сидящая в кабинете за соседним столом, – жена Александра Орлова, Ирина Валентиновна, сопровождающая его в экспедициях, не раз бывавшая на Северном полюсе и даже летавшая на сверхзвуковом истребителе МИГ-29. Я не удержалась и попросила ее дать небольшое интервью.

– Как Вы попали на Север?

– Муж мне показывал слайды, когда возвращался из экспедиции, и мне очень хотелось туда попасть. Мне казалось, что это край земли, где чучки на собаках и на оленях, но это было так далеко, что я даже не подозревала, что это со мной случится. Ведь я – обычный человек, выросший в средней полосе, привыкший ездить летом к теплому морю. Но вот теперь в моей жизни все круто поменялось, и я с нетерпением жду каждый год этой поездки на полюс.

Так вот, муж показывал слайды, рассказывал, а потом познакомил с Кошелевым – это его, а теперь уже наш друг, он тогда был губернатором острова Врангеля, для меня он был человеком необыкновенным, ну Папанин прямо! И он предложил нам отправиться на Северный полюс, вот прямо на лед. Это был апрель 2001 года. И вот мы высадились на льдину. Это все меня так потрясло! И эта льдина – полтора метра толщиной, которая после посадки самолета как будто колыхается, и палатки, в которых живут люди... А люди там ведь правда необыкновенные.

В то время, когда мы туда попали, на полюсе хозяйничали все. Кроме русских. И встал вопрос: почему они, а не мы? Ведь они же

сами ничего не могут. Они нанимают наших людей, добираются через нашу территорию... И тут что-то в нас такое взвырвало наивно патриотизм (это сейчас почти забытое слово). И вот собралась группа энтузиастов, и родился этот проект – «СП-32».

Владимир Семенович Кошелев – почетный полярник, начальник первой российской дрейфующей станции «Северный полюс». Генеральный директор Научного центра изучения Арктики и Антарктики «Полюс». Хирург, работал в Магаданской области и на Чукотке, на острове Врангеля, где был главным врачом больницы, а затем главой администрации.

Это имя не раз называли супруги Орловы и в конце концов посоветовали обратиться к нему: «Он все расскажет, он и людей лучше знает, он вместе с ними целый год на льдине солонину жевал».

В.С. Кошелев – автор книги «Россия вернулась в Арктику», по сути являющейся дневником дрейфующей станции «СП-32». Много удивительных и даже шокирующих вещей можно найти в этой книге. И рассказ о том, как с самолета на льдину десантируют жизненно необходимые для зимовки вещи, в том числе, например, трактор – для расчистки взлетно-посадочной полосы, или продукты, которые при 42-градусном морозе необходимо тут же укрыть одеялами, брезентом и собственными телами и «не дать, главное, пиву замерзнуть». О том, как буран заносит поселок полярников так, что попасть на завтрак можно, только если вход в твою палатку откопают товарищи. О том, что в начале зимовки все обитатели льдины добровольно и добросовестно бреются наголо, словно отсекая себе пути назад, – прическа отрастет только к концу зимовки. О том, что в обязанности начальника станции входят не только бесконечные распоряжения (которые, кстати, не обсуждаются), но и настоящее служение своему коллективу: временно отсутствует повар – начальник станции на эту должность назначает себя; ребята в бане – начальник разносит по палаткам чистое белье; а в случае внештатной ситуации, отправив всех спать, остается на круглосуточной вахте.

Владимир Семенович, в чем состоит Ваша главная задача на льдине?

– Моя задача как врача – чтобы все были живы и здоровы, а как начальника, как человека, 5 раз зимовавшего на Северном Полюсе и в Антарктиде, – обеспечивать нормальную жизнедеятельность на станции. Закон один – справедливость, честность, работа с полной отдачей. Находясь на дрейфующем льду в маленьком коллективе, 12 человек целый год живут в мире и согласии. А ведь у каждого из зимовщиков свой характер, свои особенности души и свои взгляды на жизнь. К тому же, суровые условия создают предпосылки к тому, чтобы человек задумался о сво-

Буран заносит поселок полярников так, что попасть на завтрак можно, только если вход в твою палатку откопают товарищи.



ей душе, о терпимости по отношению к товарищу. Нужно найти в себе силы понимать и прощать некоторые слабости или минутные срывы, которые неизбежно бывают на протяжении долгой полярной ночи, и не перекладывать свои душевные невзгоды на других.

– Как чувствовали себя на льдине молодые ребята, впервые попавшие на Полюс? Не жаловались?

– Первые полтора месяца такого понятия как суббота и воскресенье у нас фактически не было, мы работали иной раз по 18 часов – строили взлетно-посадочную полосу. За молодежью, бывало, не уследишь, а вечером, когда проверяешь руки, то поражаешься терпению ребят, работавших кайлом и ломом с такими кровавыми мозолями.

– Что значит для человека зов Полярного Круга? Романтика или деньги?

– Думаю, эти два понятия переплетены между собой. Северный хлеб легким не назовешь. Холод, пурги, мороз, оторванность от родных, тяжелая работа компенсируются каким-то неповторимым чувством, что ты – один из немногих, идешь навстречу трудностям, осознавая свою нужность людям и стране. Это всегда делало северного человека немного другим, отличающимся от «материковых» жителей. Знаете, в годы моих прежних зимовок на дрейфующих станциях «Северный полюс» у нас был особый шик (это относилось, прежде всего, к холостякам): «настоящим полярником» считался тот, кто быстрее растратит деньги, заработанные за экспедицию (а сумма по тем временам была просто фантастической). И ведь это не дурь, это были прекрасные поступки! «Соря деньгами», северяне как бы делились со всеми, кто встречался им на пути. И душа у них была спокойна, потому что эти деньги добыты тяжелым и, главное, честным трудом.

– И сейчас есть такие люди?

– Люди-то эти есть. Только про них ничего не слышно. Ни про летчиков, ни про геологов... И корреспонденты туда не едут. И в прессе, и по телевидению нам говорят об артистах и о том, как много зарабатывать и красиво жить, ничего не делая. Про Север – ничего. А ведь там другая жизнь – нет обмена, нет воровства. И многие, кто уехал на Север, спасаясь от каких-то проблем или за большими деньгами, несмотря на трудности, там все-таки остаются, потому что моральный климат там лучше. Человек в такой среде сам начинает меняться. Он понимает, что тут нельзя своровать – ну, тебя просто убьют и никто не узнает. И в то же время там есть терпимость человека к человеку: раньше все национальности жили на Севере, все! – и украинцы, и белорусы, а сколько там было чеченцев! И никакой вражды не было.

– Владимир Семенович, почему сейчас для России важно не сдавать позиций на Крайнем Севере?

– Наше Заполярье – это государственная граница длиной в 19 тысяч километров, почти половина экватора! И все мы



В начале зимовки все обитатели льдины добровольно и добросовестно бреются наголо, словно отсекая себе пути назад.

знаем, что там, в Заполярье и на континентальном шельфе, находятся грандиозные залежи полезных ископаемых. Спрашивается: зачем строят мощные ледоколы арктического типа такие страны как Япония, Италия, Франция, Германия? Каждый год в Арктике присутствуют 10-12 иностранных экспедиций. Характерно, что исследуют они как раз те районы, где залегают ценнейшие полезные ископаемые и находятся стратегические военные объекты. А с освоения трассы СМП до строительства чужой платформы на нашем континентальном шельфе – рукой подать.

Северный морской путь – это кратчайший путь из Европы на Дальний Восток, он всегда был козырной картой России в лю-

бом геополитическом споре. Но когда Арктика осталась без силового прикрытия, кто, кроме крепкой пограничной службы, запретит любой стране пользоваться этим путем? Наука-то всегда будет. Но то, что на дрейфующих станциях нет оборонной составляющей – это плохо. Под руководством американских советников в порыве разоружения мы порезали наши самые боееспособные подводные лодки. Остались еще, конечно. Но тех, что ходят под лед, где их не берет спутник, уже нет. А когда они были, мы с теми же американцами могли разговаривать совсем по-другому. В Север нужно вкладывать огромные деньги. И я хочу еще раз заявить в голос: спасите Арктику, не отдавайте ее никому!



Не так давно все консерваторы мира с ужасом ждали вручения «Оскара» за лучший фильм года. «Неужели “Торбатая гора”?! Неужели голубые ковбои?!»

Главный мировой идеологический центр нас порадовал: последняя святая Америки – «настоящие ковбои» – устояла...

Автор: **Василий ПИЧУГИН**

Но когда я уже вылезал из окопа идеологической войны, вспоминая о подбитых вражеских «Тиграх»: гей-парада в столице не будет, «Оскара» им не дали – невольно всплыл вопрос: «А что за фильм получил главный приз?» Краткая аннотация вроде бы обещала классическую американскую историю о расовых проблемах... Но нам к этому не привыкать, мы давно усвоили, что в Голливуде просто так «Оскара» не дают.

И лишний раз в этом убедились при непосредственном знакомстве с оскароносцем. Фильм «Столкновение» оказался не талантливым дебютом режиссера, а грамотным переводом на доступный язык кинообразов книги Самуэля Хантингтона «Конфликт цивилизаций», адаптированным к реалиям современной жизни.

Некогда Фрэнсис Фукуяма утверждал, что либерализм победил во всем мире навсегда, – с его победой закончилось историческое развитие. Но известный американский политолог Самуэль Хантингтон тогда же, в начале 90-х, объяснил всем, что мировая история не закончилась, ее драма по-прежнему продолжается. В основе этой драмы – столкно-



ПРОСТО ТАК



вение различных цивилизаций, каждую из которых определяет какая-нибудь религия. Вот эти самые столкновения и приведут к новым войнам XXI столетия. Книга Хантингтона надолго стала политологическим бестселлером. Ее неоднократно обсуждали разные «умные люди», но для простого культурного обывателя его имя, как и его идеи, были все-таки достаточно экзотичными.

Теперь за Хантингтона взялся Голливуд. В фильме «Столкновение» торжественно похоронена одна из главных американских идей –

идея великого плавильного котла Америки, где люди разных народов «успешно сплавляются» в единый могучий американский народ. Режиссер Пол Хаггис показывает, что цивилизационные столкновения на улицах Лос-Анджелеса могут привести к чему угод-

Мировой идеологический центр дал отмашку – войнам быть.





Все интеллектуальные выкрутасы по поводу американцев заканчиваются простым и до боли знакомым вопросом: «А нам что делать?».

«ОСКАРА» НЕ ДАЮТ

Весенние наблюдения, или просто Наши задачи

но, но только не к «единому могучему американскому народу». Мысль Хаггиса очень проста: есть контакты, есть конфликты, значит, будут и войны. И именно эту мысль Голливуд растиражировал на весь мир.

Делаем вывод: главный мировой идеологический центр дал отмашку – войнам быть. И, в отличие от тех, кто все еще сомневается, нападет Америка на Иран или не нападет, можно четко заявить: нападет. Даром, что ли, Оливер Стоун снимал фильм, после просмотра которого стоило бы затеять судебный процесс против Голливуда, – «Об оскорблении чести и достоинства Александра Македонского»? Ведь, с точки зрения искусства и истории, представленный на экране параноик, страдающий Эдиповым комплексом, и сексуальный маньяк мог сделать что угодно, но только не завоевать полмира. Однако с точки зрения идеологии, конечно же, есть и «ихняя», американская правда... Я не сразу сумел восхититься, как решен этот фильм с идеологической точки зрения. Фильм, по сути, – это обоснование вторжения в Иран, а там смотри: и в Индию (да и Китай почему-то оказался подозрительно близок к маршруту Александра Македонского). Но самое главное – вторжение будут осуществлять современные развращенные американские парни, а если им показать настоящего Александра Македонского, то даже они смекнут: не по

Сеньке шапка – не им затевать такое дело. Так что с идеологической задачей Стоун справился блестяще.

Все интеллектуальные выкрутасы по поводу американцев заканчиваются простым и до боли знакомым вопросом: «А нам что делать?»

Как всегда, богатое прошлое дает нам возможность увидеть выход из нашего «сложного» настоящего. Без «великой замятни» в середине XIV века (периода междоусобиц в Золотой Орде, когда за 30 лет на ордынском троне сменилось 30 ханов) преодолеть нашим предкам золотоордынское иго было бы очень сложно. Преодолеть теперь уже нам иго-2 без новой «великой замятни» также вряд ли удастся. Современная Золотая Орда-2, с одной стороны, гораздо дальше от нас, а с другой стороны – гораздо ближе, контроль строже.

Но Господь как тогда, так и теперь предоставляет нам шанс. Если в середине 90-х казалось, что историческая Россия навсегда утратила возможность остаться независимым государством, превращение в колонию – только дело времени, то в начале XXI века Америка нашла для себя много занятий: «вашиingtonский обком» ликвидирует последствия тайфунов во Флориде, «солдаты свободы» пришли в Ирак и никак оттуда не могут уйти, и этим же «освободителям»

предстоит «защитить демократию» в Иране. С большой вероятностью, в этом походе на восток Америка серьезно увязнет. А тут и цены на нефть полезли стремительно вверх, и долговая удавка с разграбленной и разворванной Россией стала тихонечко сползать. Россия из «верного союзника», из всадников Рохана, которые простили все обиды Гондору и пришли на помощь, как «верные сыны Запада» (режиссер Питер Джексон в своем геополитическом толковании фильма лично объяснил всем, что Рохан – это Россия) превратилась в некоего «зануду», который постоянно говорит о своих собственных интересах. А ведь еще недавно казалось, что Россию волнует только «победа демократии во всем мире».

Наши задачи очень просты – этот шанс мы не должны упустить. ●



К О Н К У Р С !

В 2006 году журнал «Наследник» объявляет художественно-публицистический конкурс



Многие присланные вами статьи, рассказы, стихи, рисунки и фотографии на темы:

Любовь
Успех
Простота
Справедливость
Сила

будут опубликованы в журнале.

**Дорогие читатели!
Мы ждем
ваших писем.
Прислайте
свои отзывы,
предложения,
размышления
в редакцию
журнала.**

В течение года планируется разыграть:

- 5 призов по 2000 рублей – за лучший материал по теме;
- 5 призов по 1000 рублей – за лучшее художественное воплощение темы;
- 5 призов по 500 рублей – за самую яркую и короткую работу по теме;
- 10 поощрительных призов – за успешный дебют в православной журналистике.

**лучшая читательская работа по итогам года
получит главный приз – 15 000 рублей**

Условия конкурса:

Возраст участников – не более 40 лет.

Объем одного материала – не более 30 тысяч знаков.

Количество материалов, поданных одним автором в течение года, – не более 5.

Текст должен быть отпечатан на пишущей машинке или набран на компьютере. **Фотография** или **рисунок** должны быть размером не менее половины журнальной страницы, при отсылке по электронной почте – в формате tiff размером не менее 1 Мб.

К каждому присланному на конкурс материалу должны быть приложены краткие сведения об авторе (ФИО, возраст, место работы или учебы, контактные адреса и телефоны) и его фотография (можно цветная).

Ваши работы просьба направлять по адресу: 115172,
г. Москва,
Крестыанская площадь, д. 10,
редакция журнала «Наследник».

или по электронной почте:
naslednik-magazine@yandex.ru
до 31 декабря 2006 г.



**Редакция
журнала
«Наследник»
приглашает
к сотрудничеству
фотографов –
профессионалов
и любителей.**

В Н И М А Н И Е !

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ



**РАДИО
«РАДОНЕЖЬ»**

**СЛУШАЙТЕ
ЕЖЕДНЕВНО**

с 20.00 до 23.00

на средних волнах:

Москва - 612 кГц

Центральная Россия - 846 кГц

на коротких волнах 49 метров 5940 кГц

www.radonezh.ru

**ВСЕМИРНОЕ
РУССКОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ
ВЕЩАНИЕ**

WWW.PRAVOSLAVIETOUR.RU
(495) 743-96-56, 692-47-57

**ПОЕЗДКИ СВЯТЫНИ
ПРАВОСЛАВИЯ**
Телефон 8(495) 743-96-56, 692-47-57

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И ГРУППОВЫЕ ПОЕЗДКИ

Каждую группу сопровождает
православный священник

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ: май-июнь еженедельно, Преображение
(Успение): 16-24 (28) августа;

Праздник свт. Николая: РИМ-БАРИ 4 дня,

ИТАЛИЯ, ГРЕЦИЯ-БАРИ – 8 дней;

ГРЕЦИЯ 11-18 августа (Успение на Кефалонии)

СИРИЯ, ВАЛААМ, СОЛОВКИ и др.

Индивидуальные поездки: АФОН, БАРИ



ЕСЛИ ТЫ МОЛОД И ИЩЕШЬ ДРУЗЕЙ

Если ты чувствуешь, что в твоей душе есть такие силы, которые не должны пропасть даром, то знай, что возможность их реализовать есть.

Где? Например, в православном молодежном объединении «Молодая Русь», в кругу твоих сверстников.

Как? Если тебе интересны социальное служение и помощь ближнему, то применение своих сил ты найдешь в поездках в детские дома и в госпитали. Цель этих поездок одна – общение и создание уютной, дружеской атмосферы для тех, кто почти отчаялся и нуждается в поддержке – ласковом взгляде, добром слове.

Если ты ищешь чего-то большего и хочешь помочь своим ровесникам открыть для себя «неизвестную религию» – Православие, обрести истинные ценности и жизненную опору, то, возможно, миссионерское направление – для тебя.

Вместе с «Молодой Русью» ты можешь отправиться в паломничество, познакомиться с православными святынями, ощутить дух и уклад монастырской жизни.

В «Молодой Руси» еженедельно проводятся тематические встречи, во время которых можно познакомиться с интересными людьми и просто пообщаться и лучше узнать друг друга. И еще много всего, о чем ты узнаешь при встрече.

А если у тебя есть свои идеи, как с пользой провести время, – захвати их с собой.



Приглашаем вас посетить наш Интернет-сайт: www.molrus.ru

По телефону 8-906-760-00-22

**можно прослушать информационное сообщение
о ближайших мероприятиях.**

Пишите по адресу: molrus@mail.ru.

Также можно оставить сообщение на пейджер по телефону:

797-4444 для аб. 117960.



Уважаемая редакция!

Решил написать вам, потому что мне нравится журнал, который вы для нас делаете, он очень либеральный и терпимо относится ко всем странным вопросам, которые ставит перед собой молодой ум.

Сразу скажу, что мне 21, и в Церкви я достаточно давно, чтобы преодолеть синдром новообращенного фанатизма. Чтобы не говорили, что мой вопрос – праздная философия. А вот, собственно, и он.

Я очень люблю религию и верующих людей, потому что вера делает человека лучше. Религия дает мне возможность расти по правилам совести и не во имя себя, а ради Бога, ради ближних. Но христианство (если не принимать во внимание некоторых сектантов) построено на смирении – то есть для развития я должен молиться, прося у Бога помощи, и следить за тем, как бы не нагрешить. Это, конечно, не богословское определение христианства, а бытовое понимание, но все-таки я говорю искренне, так что знатоков прошу не подшучивать. Мне кажется, это пассивная позиция в жизни – просить и ждать.

Вот в некоторых других религиях есть всякие упражнения, например в Йоге, или мантры в буддизме, берешь и делаешь – и вот тебе духовный рост. Или медитация – тут человек ничего не просит, тут активно смотришь внутрь себя и приходишь к просветлению, то есть росту. А иудаизм вообще считает, что достаточно просто выполнять правила (хоть их и великое множество), следовать букве. Однако все это конкретные активные действия!

Некоторые на этом месте меня непременно из Церкви захотят выгнать – как глубоко я зашел в духовном поиске. Но я потому и пишу в журнал, что уверен, что в редакции найдется человек, который поймет меня и ответит. Как мне в Православии применить свою деятельную натуру? Есть ли какие-то конкретные упражнения для духовного роста кроме молитвы дома и в храме? Милостыня? Пост? Создать хорошую семью?

Григорий Петров



Дорогой Григорий.

Позволь для начала поблагодарить тебя за письмо. Всякая редакция, в том числе и наша, любит получать отзывы и вопросы читателей. То, что нам пишут, как минимум, значит, что труд наш не был напрасен. Однако кое-что в твоём письме нас и огорчило. Ты с радостью называешь наш журнал «либеральным», а нам очень жаль, если кто-то из верующих читателей так о нем думает. Дело в том, что «либерализм» – это совершенно определенная политическая и духовная философия, вот уже несколько веков насаждаемая богоборцами в умах русского юношества. И с этой философией, и с ее ядовитыми плодами (как правило, атеистическими) наш журнал, как раз, всеми силами старается бороться. Другое дело, что мы, по мере сил, стараемся вести с читателями честный и открытый разговор о современных проблемах. Но здесь мы опираемся на традиции нашей русской культуры, к «либерализму» это не имеет никакого отношения.

Что же касается твоего вопроса, то его, на наш взгляд, вряд ли можно разрешить через переписку с журналом. Осведомляясь, «как в Православии применить свою деятельную натуру», ты, по существу, спрашиваешь нас, как тебе жить. Такие вопросы человек церковный, вообще-то, должен решать вместе с родителями и духовником. Но даже и в этих случаях стоит помнить, что всякая жизнь на Земле принадлежит своему Творцу. Только Он наверняка знает, как тебе жить, что и когда именно тебе надо делать. А для того, чтобы это хоть немного стало понятным тебе, и существует молитва. Православие, в отличие от многих других религий, как раз, не считает ее «упражнением для духовного роста». Да и сам такой рост – не самое важное в жизни христианина. Хорошо, конечно, быть более развитым и духовно просвещенным, но с другой стороны в Евангелии совершенно четко сказано: «Кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть» (Лк. 12:25). И это не призыв к бездеятельности, наоборот, изначально предупреждая человека о бесплодности большинства так называемых «практик духовного самосовершенствования», Православие призывает человека не тратить на них время, а посвятить свою жизнь другим более серьезным и конкретным делам. Например, деятельной любви к ближним.

«Просить и ждать» чего-то от Бога в нашей современной жизни, действительно, кажется «пассивной позицией». Но вот представь себе, что ты стоишь в очереди за хлебом, за какой-нибудь справкой или дожидаясь экзамена. Много ли ты преуспеешь, если будешь в такой обстановке «энергично требовать»? Так что даже «пассивность» может пригодиться в жизни и помочь тебе выработать, к примеру, терпение или даже смирение, силу не швырять несправедливому экзаменатору зачетку в лицо, не бормотать какую-нибудь медитативную мантру, типа «Двойки нет», а пытаться пересдать ее еще и еще раз.

Разумеется, жизнь состоит не только из таких «ожидательных» ситуаций. В Евангелии Господь призывает каждого: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8:34). Это уже вполне деятельная позиция. Но вот осуществить ее без предварительной «пассивной» подготовки бывает очень тяжело. Что же до того, какой именно крест: семью, профессию, подвиж, – тебе стоит выбрать, ни редакция, ни даже духовник не сможет решить этот вопрос за тебя. В любом случае, стоит стремиться честно делать то, что ты любишь. Важно только не бросать дело на полдороге, а доводить его до конца.